

БИБЛИОТЕКА
ПРОЕКТА

БОРИСА АКУНИНА

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

К. ВАЛИШЕВСКИЙ
ИВАН
ГРОЗНЫЙ

◆

Библиотека проекта Б. Акунина
«История Российского государства»

Казимир Валишевский
Иван Грозный

«АСТ»

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валишевский К. Ф.

Иван Грозный / К. Ф. Валишевский — «АСТ»,
— (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского
государства»)

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. Известный польский историк Казимир Валишевский в своих книгах создал масштабную панораму быта и нравов России XVII–XIX веков, показал жестокую борьбу за трон, не утихавшую на протяжении столетий. Одна из наиболее известных книг К. Валишевского посвящена царю Ивану Грозному — личности многогранной и неоднозначной, до сего времени неразгаданной. Кто он — разумный правитель или лютый безумец? Дальновидный реформатор или мнительный тиран, одержимый жаждой абсолютной власти? Несмотря на то, что многие оценки и выводы известного польского ученого сегодня могут показаться спорными, «Иван Грозный», безусловно, заинтересует всех любителей отечественной истории, в первую очередь благодаря огромному количеству малоизвестного фактического материала.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Валишевский К. Ф.

© АСТ

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
I. Рождение Грозного	7
II. Правление бояр	12
III. Женидьба и венчание на царство	15
IV. Сильвестр и Адашев	20
V. Первый Собор. Русский парламентаризм	27
Глава 2	32
I. Преобразовательные течения	32
II. Новый закон	36
III. Реорганизация службы	41
IV. Религиозная реформа	44
Глава 3	53
I. Остатки монгольского царства	53
II. Войско Ивана	56
III. Взятие Казани	61
IV. Последствия	64
V. Взятие Астрахани	66
VI. Казаки	66
VII. Крым и Ливония	68
Глава 4	70
I. Исторические прецеденты	70
II. Ливония XVI века	75
III. Московское завоевание	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Казимир Валишевский Иван Грозный

© В. Akunin, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая

Юность Ивана

Глава 1

Первый русский царь

Рождение Грозного. Правление бояр. Женитьба и венчание на царство. Сильвестр и Адашев. Первый Собор. Русский парламентаризм

I. Рождение Грозного

В день рождения Ивана IV, 25 августа 1530 года, в небе над страной слышались раскаты грома, сверкали молнии. Уже тогда, когда он ребенком впервые зашевелился в материнской утробе, московские войска, сражавшиеся под Казанью, почувствовали необыкновенные мужество и отвагу. Более действенными и достоверными, чем те чудеса, которыми народное предание окружило появление на свет своего государя, были удары, нанесенные в это время всей цивилизованной Европе. В то время там появились Виклеф и Гус, Лютер и Кальвин.

По всему христианскому миру Запада, на полях братоубийственных войн, на площадях, загроможденных эшафотами, в опустевших храмах, при возмущившихся дворах католики и протестанты, священники и солдаты, князья и крестьяне старались заглушить военным кличем голос свободы, раздавшийся с высоты Вартбурга. Церковь, потрясенная в самом основании, вооружила всех, от нищего монаха до папы, на защиту своих привилегий. Но в Риме, захваченном немецкими войсками, Священная империя и Франция оспаривали друг у друга светскую власть. На севере реформа послужила первой ступенью для новых династий, утвердившихся на тронах Швеции и Норвегии.

В своем вековом одиночестве Московия оставалась чуждой этому движению. Она его вовсе не знала и только изредка испытывала слабые отзвуки борьбы. Однако время создало некоторые узы между Русью и Западом. Неведомая и презируемая русскими Европа начинала интересоваться своей таинственной соседкой. С XV века, когда уже замечалось в Европе опасное брожение, разрушавшее ее единство и внутреннее согласие, она увидела на горизонте новую опасность: шуму поднявшейся против папства бури отвечал извне, как эхо, грозный голос ислама, готовившегося к наступлению на христианский мир. В страхе перед этой двойной опасностью Рим и Вена, Венеция и Женева искали себе помощи и открыли Москву. Итальянские дипломаты и левантские придворные с этого времени стараются перекинуть мост через пропасть. Женитьбой на дочери Палеологов дед Ивана IV вступил, под благословением наместника св. Петра, в семью европейских государей. В 1473 году Венецианский сенат напомнил московскому государю о его правах на наследие византийского титула. В 1480 и 1490 годах настоящий наследник, Андрей Палеолог, пытался в Москве продать свои права на владение. Получив отказ, он вступил в переговоры с Карлом VIII французским. Но ключ от этого сокровища был в руках Рима: думали, что с помощью его добудут московское войско для борьбы с турками. В 1484 году Сикст IV должен был успокаивать польского короля Казимира, опасавшегося за права своего старшинства в семье славянских государств.

Прижизненный портрет Ивана Грозного. Парсуна была послана Елизавете I, во время сватовства царя к английской королеве

Забываясь более о реальных правах, чем о гипотетических титулах, Иван III отвечал пренебрежительным отказом. Однако проект великого славянского государства, хотя бы и под римским руководством, связывался с вопросом о русских областях, служивших предметом спора между Московией и Польшей. В этой сфере враждебных влияний и притязаний возникали новые дипломатические комбинации. В них укреплялась и принимала определенную форму идея панрусизма [идеология, утверждающая общую русскую идентичность всех восточных славян и отстаивающая идеи их исторического, культурного и политического единства].

В то время когда Андрей Палеолог со своим предложением отправился к другим покупателям, фон Турну, послу императора, великий князь оказал гораздо лучший прием. Он

изъявил свое согласие вступить в союз с Максимилианом, чтобы сообща действовать против ислама. Но сначала он желал свести общие исторические счета с Польшей. Не дожидаясь папской буллы, он позволил своим подданным именовать его *царем*. По понятиям православных, этот титул соответствовал императорскому достоинству и был равносителен заявлению требований на византийское наследство. Затем, в 1493 году, собственной властью Иван III присвоил себе титул государя всея Руси, что было равносительно заявлению своих прав на Киев и Вильну.

Это самостоятельное решение великой восточной проблемы подготавливалось еще гораздо раньше. Первыми додумались до этого юго-западные славяне. В XIV веке Душан сербский и Александр болгарский выступили с такими же притязаниями. Они мечтали о завоевании Константинополя и начали с провозглашения себя царями. В манускриптах того времени мы находим упоминание о новом Царьграде, каким должен был явиться город Тырново. Однако Милюков справедливо замечает, что для осуществления программы национального величия Россия XVI века ожидала побуждения извне, со стороны Западной Европы, как и Россия XVIII века нуждалась во внешнем толчке, чтобы воспринять реформу Петра Великого.

Умирая (1505), Иван III оставил пятерых сыновей; между ними он и разделил свои владения, но вопреки установившемуся обычаю старшему из них, Василию, он оставил не одну, а две трети: всего 66 городов и областей со столицей во главе. Женатый первый раз на боярской дочери Соломониде Юрьевне Сабуровой, Василий не имел от нее детей, что его очень печалило. «Счастливы птицы», – говорил он часто, глядя на птичье гнездо. Волшебство, к которому прибегала его неплодная супруга, оказалось бессильным. В 1525 году Боярская дума предложила ему другое средство, которое без сомнения соответствовало его личным видам: «Смоковница, не приносящая плода, должна быть выброшена из сада». Только один из членов Боярской думы осмелился возвысить голос в защиту священных уз брака. Это был обладатель фамилии, которой предстояло занять блестящее место в рядах боярской оппозиции, – Симеон Курбский. Его поддержали из среды духовенства сторонники реформы Василиан Патрикеев и Максим Грек. Но это не помешало развязке. Соломонида была заточена в монастырь, а Василий повел к алтарю Елену Глинскую, дочь литовского выходца. Он был очень ею увлечен. Вероятно, и бесплодие Соломониды было только предлогом для развода. После того как московские князья перестали брать себе жен из владетельных европейских домов, установился обычай устраивать нечто вроде конкурса местных красавиц, среди которых князья и выбирали себе жен со всех концов государства. Интересно, что при втором браке Василия не прибегали к этому обряду.

Рождение Ивана IV. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Красивая, старательно воспитанная, благодаря своему иноземному происхождению, Елена соединяла в себе такие черты, каких Василий не мог бы найти ни у одной русской женщины. После смерти своего отца Василия Львовича Елена рано осталась сиротой. Выросла она под опекой дяди Михаила, старого соратника Альберта Саксонского и императора Максимилиана. Михаил был странствующим рыцарем, в поисках приключений он попал в Италию и даже умудрился принять там католичество. После женитьбы Василия на Елене в Московский Кремль проникают западноевропейские идеи. По свидетельству Герберштейна [барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) – писатель и историк] Василий даже сбрил бороду в угоду своей супруге, что было, можно сказать, настоящей революцией.

«Заволжские старцы» объявили этот брак блудодеянием. Казалось, что и небу не угодно было сделать этот союз более счастливым, чем первый. Стали ходить слухи, что Соломонида родила сына в своем монастыре. Наконец молитвы монаха Пафнутия Боровского, впоследствии признанного в благодарность за услуги, оказанные царскому дому, святым, были услышаны. Елена произвела на свет желанного наследника. Спустя три года, 15 октября 1533 года, она родила второго сына Юрия и вскоре овдовела. Иван III изменил старый порядок престолонаследия, по которому после смерти князя власть переходила к его братьям. Теперь им принадлежало лишь регентство. Нет оснований полагать, что Василий

сделал иное распоряжение. Но Елена недаром происходила из рода авантюристов. Энергичная, честолюбивая, она сумела создать сильную партию и воспользовалась ею, чтобы захватить и удержать в своих руках власть.

Крещение Ивана IV. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Однако Елена допустила двойную ошибку. Она, во-первых, не разделила власти со своим дядей, который, без сомнения, был ловким политиком. С другой стороны, большую часть правительственных полномочий она передала своему фавориту князю Телепневу-Оболенскому, который был лишь смутьяном. Скоро обнаружилось в государстве брожение. Елена заточила в тюрьму своего дядю, а также и Василиева брата Юрия, которые пытались

завладеть государственной властью. После этого ей пришлось еще бороться с другим своим деверем, Андреем, не желавшим довольствоваться своим Старицким уделом. Государству грозила междоусобная война. Елена предупредила ее хитростью, поймав в ловушку Андрея. Он также попал в московскую темницу, откуда люди редко выходили. Голод и тяжесть оков ускорили его кончину. Что касается его сторонников, то они, в количестве тридцати душ, качались на виселицах, расставленных по дороге из Москвы в Новгород. Новгород как бы поддерживал Андрея в борьбе с Еленой.

Елена держалась еще несколько лет, в то же время давая отпор внешним врагам, полякам и татарам, соединившимся против нее с целью воспользоваться слабостью ее правления. В 1538 году, как полагают, внутренние враги отравили Елену. Иван осиротел. Власть перешла к боярам, и олигархия сменилась анархией.

II. Правление бояр

Фаворит Елены, князь Телепнев-Оболенский, сразу потерял среди смуты почву под ногами. Враги, которых правительница умела сдерживать, теперь принялись мстить. Над развалинами партии Елены подымали голову Шуйские. Будучи связаны с престолом узами родства, они не удовлетворялись временным господством. Как Василий и Иван, они происходили от Александра Невского, притом род свой вели от старшей линии, между тем как царствующая династия была младшей ветвью. Легко понять, как далеко простирались их честолюбивые помыслы. В каких-нибудь восемь дней после смерти Елены они расправились с фаворитом – он, как и многие другие, исчез в подземной темнице. Иван лишился своего опекуна и даже своей кормилицы Аграфены. Она была сестрой Оболенского и должна была разделить участь брата. Василий Васильевич Шуйский и двоюродный брат его Андрей, только что освободившийся из заключения, столкнулись с другим претендентом. Из открывшихся дверей темниц вышли целые батальоны соискателей власти. Между ними был и князь Иван Бельский, который не намерен был уступать никому своих притязаний. В противовес Рюриковичам он опирался на свое происхождение от Гедимины. Отец Бельского Федор женат был на племяннице Ивана III, княжне рязанской. Спасаясь от преследований Елены, брат его, Семен, бежал на чужбину. В Польше, в Крыму, даже в Константинополе он искал не столько убежища, сколько политического союза с целью вернуть себе свои наследственные владения – Бельск и Рязань, насильственно присоединенные к Московской державе.

Делу младших Рюриковичей, таким образом, угрожала опасность в борьбе, которая с 1538 по 1543 год сделала Москву местом насилия и кровопролития. Только антагонизм между соперничавшими родами Шуйских и Бельских и их жестокое взаимоистребление спасли самого Ивана и сохранили в целостности его владения. Однако ему в детстве пришлось пережить ужасные испытания. Опьяненные торжеством победы, Шуйские не знали меры – они опустошали сокровищницу царя, разыгрывая роль полновластных хозяев. После смерти Василия Васильевича во главе Шуйских встал Иван. Он забыл об уважении государя. «Бывало, в моем присутствии кладет обутые в сапоги ноги на постель моего отца», – писал впоследствии Грозный, вспоминая также, что Шуйский раньше ходил в ветхой шубенке, а теперь ест на золоте. «Ясно, что он этого не получил в наследство от своего отца... А мы какой нужды не натерпелись, лишаясь пищи и одежды!» Даже душевных привязанностей молодого государя не щадили. Вслед за кормилицей от него в 1543 году удалили любимца его, Федора Воронцова. Преследуя Воронцова, Шуйские ворвались в одно из помещений кремлевского дворца. Они били его по лицу и угрожали лютой смертью. Только благодаря заступничеству митрополита Воронцов остался жив, но был сослан в Кострому. Впрочем, даже власть митрополита была поколеблена.

При каждом новом перевороте победившая сторона старалась сменить митрополита. В 1539 году на место Даниила Бельские посадили Иосафа. В 1542 году Шуйские снова взяли верх; Иван Бельский был сослан на Белоозеро; его участь должен был разделить и митрополит. Положение областей было получше. Правление Шуйских в особенности отличалось варварством и беспорядками. Наместники Шуйских вели себя везде, по свидетельству летописцев, «как лютые звери». Исключение представлял только Новгород, где были сторонники Шуйских. Города пустели. Кто мог, спасался бегством. Вызванный еще Василием и поселившийся в России итальянский архитектор Фрязин [Антон Фрязин, настоящее имя – Антонио Джиларди] бежал за границу и как раз в то время, когда должен был заняться устройством укреплений в Себеже. Дерптскому епископу он объяснял свой поступок тем, что бояре делают жизнь на Московской земле совершенно невыносимой. Бельские показали себя более гуманными и разумными правителями. Во время их непродолжительного господства были сделаны некоторые мероприятия, подготовлявшие будущее самоуправление общин. Но как Шуйские, так и Бельские всю злоупотребляли властью.

В то время как государство изнывало под невыносимым гнетом боярской тирании, будущий государь получал печальный урок от окружающих. Благодаря деяниям бояр дух насилия в разных формах овладевал воображением и чувствами юноши, проникал в его плоть и кровь. В атмосфере борьбы за власть вырастал будущий деспот – мстительный, чрезвычайно нервный, вспыльчивый и жестокий. Уже в играх и забавах с товарищами, которых, к слову сказать, ему выбирали другие, Иван проявлял бесчеловечность, царившую, впрочем, в той среде, которая его окружала. На его глазах мучили людей; он пока еще не мог делать этого и ограничивался животными. Огромным удовольствием для него было бросать с высоких теремов дворца собак и смотреть на их предсмертные судороги. Ему не только не мешали предаваться подобным забавам, но даже поощряли. Скоро должна была наступить очередь и людей.

«Русская одежда с XIV до XVIII столетия. “Турскія шубы и горлатныя шапки”. Вид изображает город Саратов в начале XVII столетия»

При таком положении вещей было безумием со стороны Шуйских или Бельских надеяться надолго сохранить власть при юном государе. Иван был уже в том возрасте, когда мог вполне сознательно оценить свое положение. Он видел вокруг себя людей, осмеливающихся постоянно оскорблять своего владыку, расхищать его сокровища и ссориться из-за них между собой. Но во время разных официальных церемоний, устраивавшихся по случаю

придворных торжеств или приема иностранных послов, те же самые люди рабски пресмыкались перед ним, падая ниц у его трона.

Иван должен был скоро из всего этого сделать определенные выводы. В сентябре 1543 года он еще позволил сослать Воронцова, но уже в декабре приказал своим псарям схватить самого Андрея Шуйского. Слуги повиновались и даже переусердствовали – они задушили боярина, вместо того чтобы отправить его в темницу. Иван их действия одобрил. Все поняли, что на Руси грядут перемены. Если не изменились методы правления, то изменился сам государь.

Бояре продолжали по-прежнему вершить государственные дела, но уже не смели противоречить государю, который раньше Людовика XIV мог сказать: «Государство – это я». Теперь он скакал на коне по улицам, избивал народ, насиловал попадавшихся на пути женщин. Эти дикие поступки вызывали одобрение его свиты. Освобожденный из ссылки Федор Воронцов также был причислен к его свите, но милости государя более обращались на менее знатных и даровитых слуг, которые были и послушнее, и легче подчинялись всем его капризам. Среди приближенных Иван со страхом угадывал новых «Шуйских» и отдавал предпочтение псарям.

В мае 1546 года, когда царь охотился близ Коломны, ему внезапно преградил путь вооруженный отряд. Это были новгородские пищальники, явившиеся к нему с жалобой на посадника. Не понимая ничего в этих делах, Иван приказал прогнать новгородцев. Произошла свалка, раздалось даже несколько выстрелов. Юный царь остался невредим, но очень перепугался. Иван всегда был трусоват. Возможно, что эта черта была у него наследственной. Но, кроме того, он был напуган в детстве: с того времени, вероятно, и развилась в нем нервная впечатлительность, благодаря которой он дрожал и терял присутствие духа при малейшей опасности. Иван спасся, но вообразил, что это заговор, и приказал произвести расследование. Простой дьяк Василий Захаров, желая попасть в царские любимцы, обратил на себя внимание тем, что к делу примешал Воронцова с его родственниками, которые и без того уже были в подозрении и даже в немилости. Ученик сразу превзошел своих воспитателей. Грозный выступил на сцену. Началась непрекращавшаяся потом работа палача. Федор Воронцов и один из его двоюродных братьев сложили головы на плахе. Другие соучастники мнимого заговора подверглись ссылке.

Захаров, быть может, не был единственным виновником этой расправы. Среди приближенных Ивана, в кругу самых близких ему людей, фигурировал уже человек, характер и деятельность которого были превознесены известной исторической школой. Его имя связывалось с самым блестящим периодом нового царствования, его влиянию приписывали сокращение казней, ряд благородных попыток и славных дел Ивана. Как и Захаров, Алексей Адашев был низкого происхождения. С 1543 года он принадлежал к числу царских слуг, был «постельником». Далее я постараюсь подробно выяснить характер и деятельность этого лица.

В конце того же 1546 года Иван собрался более решительным способом укрепить свою независимость. 17 декабря по Москве разнеслось известие, что великий князь решил вступить в брак с одной из русских девиц.

III. Женильба и венчание на царство

Без сомнения, это решение не было так неожиданно, как обыкновенно его представляют. Уже в 1543 году было отправлено посольство в Польшу. Федору Ивановичу Сукину и Истому Стоянову было поручено наметить при польском дворе, что князь находится в таком возрасте, когда являются своевременными заботы о подыскании ему жены. Делались и другие попытки подобного рода, но они не увенчались успехом, и честолюбивый Иван

после этого отказался от решения вернуться к традициям Ярослава. Но он решил, по крайней мере, вознаградить себя за эти неудачи. На другой день после объявления его решения в Успенском соборе был совершен молебен, после которого Иван объявил боярам, что он намерен венчаться на царство не как великий князь, а как царь. Он, таким образом, желал принять титул *царя*, который до него не был официально признан.

Царь и император у русских того времени были синонимами. Правда, титул царя в то время немного уже утратил свое величие благодаря тому, что многие татарские князья, бывшие уже большей частью данниками московского князя или простыми правителями его областей, также именовали себя царями. Но этот титул носили и византийские императоры, а они ведь были государями той великой Восточной империи, которую думали снова восстановить в новой столице православного мира. Церковная литература оказывала большое содействие укреплению этого намерения. В книгах на славянском языке безразлично называли царями вместе с иудейскими царями государей ассирийских, египетских, вавилонских, а также римских и византийских императоров.

При помощи намеков и хитроумных выдумок читателю навязывалась идея об исторической преемственности, соединяющей московских государей со всеми этими предшественниками. Это представление постепенно проникало в национальное сознание. Не московская ли держава и есть именно то шестое царство, о котором упоминается в апокалипсисе? И разве еще до брака Ивана III на Софии Палеолог дом Рюрика не приобрел через Владимира Мономаха все права на наследие Порфирородных, Константина Великого и даже самих кесарей римских? Как мы видели, идея Третьего Рима жила в продолжение целых веков в славянском мире.

Эта историческая греза искала случая воплотиться в действительности. После падения сербского и болгарского царства она естественно должна была переброситься на север. Посланный из Константинополя в Москву (1382), болгарин Киприан, заняв престол митрополита, перенес туда и фразеологию, выработанную в Тырнове знаменитым Ефимом. В Москве она была легко усвоена. После падения Константинополя угнетенные южные славяне устремили свои взоры в сторону Москвы, ожидая от нее своего спасения. Серб Пахомий влагает в уста даже самому Иоанну торжественное признание царского титула за московскими государями. Другие писатели находили опору для той же самой идеи в священных преданиях. Прежде все пророчества переносились на Александра болгарского. Теперь на его место нужно было поставить другого государя, для чего не требовалось работы мысли. По греческим преданиям, Измаила должен покорить *светловолосый род*. Этот светловолосый род, называвшийся *русым*, легко превратился в *русских*. Среди легенд византийского происхождения, распространившихся в славянском мире, были и такие, которые проникали и на Запад, то в немецкой поэме об Аполонии Тирском, то в старых французских романах об Обероне и Гуоне Бордосском. Одна из распространенных легенд повествовала о том, что Порфирородные получили знаки своего царского достоинства из Вавилона, куда за ними посылал император Лев; другая говорит о приобретении их Владимиром Мономахом или Владимиром Святым. В «Степенной книге» Макарий старается доказать, что Владимир, умирая, завещал эту святыню шестому своему сыну Юрию, чтобы он и его потомки хранили ее до того времени, когда на Руси найдется князь, способный ею воспользоваться. С XI–XII веков славянские генеалогисты выводили дом болгарских Асений от одной знатной римской фамилии. В XIV веке они точно так же старались породнить Неманичей сербских с императором Константином и даже Августом. Макарию оставалось только следовать их примеру, и он это сделал: в Житии святой Ольги он говорит о каком-то Пруссе, брате Августа. От этого Прусса происходил Рюрик.

Иван Васильевич и старался теперь присвоить себе этот титул, окруженный столькими мифами, символами, славными воспоминаниями и честолюбивыми мечтами и вместе с тем доступный, осязательный, осуществимый в действительной жизни.

Венчание на царство происходило 16 января 1547 года. Было сделано все, чтобы придать ему как можно больше блеска и торжественности. При огромном стечении народа, при торжественном звоне колоколов церковь и трон как бы сочетались в едином этом торжестве: епископы, священники, монахи возносили к Богу молитвы и просили его, чтобы он укрепил нового царя духом справедливости и истины, а бояре в это время осыпали трон дождем золотых монет, что являлось эмблемой изобилия тех благ, которых ему желали. Однако этот наследник греческих и римских императоров не решился осведомить иностранные державы о своих притязаниях. Он помнил, как неудачны были попытки такого рода его отца и деда. В 1514 году Василий попробовал было именовать себя, с согласия посла Снитцпаннера, в договоре с Максимилианом *кесарем*. Но в Вене отказались подписывать этот договор. На согласие Польши, как и раньше, нельзя было рассчитывать и теперь. Вместе с некоторыми мелкими германскими княжествами сговорчивость проявили только константинопольские патриархи, возлагавшие вместе со всей восточной православной церковью свои единственные и последние надежды на Москву. Но Иван пока и здесь не выступал с заявлением о своем титуле и правах, и только в 1561 году после шумных успехов он решил попытать счастья с этой стороны. Просьба к патриарху подкреплялась значительными дарами. Патриарх Иосаф признал Ивана царем и потомком царицы Анны. Он даже предложил московскому государю еще раз совершить торжественное коронование при участии особо назначенного для этого случая митрополита. Но это оказалось излишним. Из тридцати семи подписей, скреплявших грамоту, присланную из Константинополя в Москву, тридцать пять впоследствии оказались подложными. Православная церковь уклонялась от решительного ответа, хотя патриархи александрийский и антиохийский спешили признать совершившийся факт, а иерусалимский пошел даже еще дальше и провозгласил нового царя главою христианства. Но масса восточного духовенства отказывалась следовать их примеру. И таким образом в церковную общину, где государю как бы принадлежало верховенство, его царская власть проникала с трудом, так сказать, нагнувшись и даже оступившись на пороге. Однако русскому народу эти подробности были неведомы. Поэзия былин свободно смешивала события и эпохи. Национальная гордость и народное воображение набрасывали чудесный покров на это несколько унижительное начало русского *царства* и на его неудачи. Носитель знаков царского достоинства видел восточную империю в развалинах, а православную церковь в опасности от мусульман, угрожавших ей от Босфора до Волги, и он направился к стенам Казани, чтобы стать защитником Церкви и победителем ислама. Московские художники, украшавшие символический царский трон, до настоящего времени хранящийся в Успенском соборе, прибавили новые, аналогичные прежним, вымыслы. Таким образом Иван оказался, по крайней мере в пределах собственной обширной державы, в ореоле славы и величия, какого не знал ни один из его предшественников.

Митрополит Макарий благословляет Ивана Грозного во время венчания на царство. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

В браке Ивану суждено было насладиться счастьем, не выпадавшим на долю его предков. Выбор невесты производился по общему правилу. Благородные девицы всего государства, происходившие из семей служилых людей, были собраны в Москву. Для приема их были отведены огромные палаты с многочисленными комнатами, в каждой из них было по двенадцать кроватей. К первому браку Василия, по словам Франциска да Колло, было собрано пятьсот красавиц, а по свидетельству Герберштейна – тысяча пятьсот. Это, по всей вероятности, показывает число только тех девиц, которые попали в Москву уже после первых выборов в провинциях.

Такой порядок существовал и в Византии. Там правителям областей давались по этому поводу подробные инструкции, с указанием роста и других качеств девиц. Когда в серале собирались кандидатки, туда являлся сам государь в сопровождении одного из старейших вельмож. Проходя по покоем, он дарил каждой из красавиц по платку, вышитому золотом, с дорогими камнями. Он набрасывал платки девицам на шею. После того как выбор был

сделан, девицы отпускались с подарками по домам. Так в 1547 году Иван выбрал себе Анастасию, дочь покойного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, происходившего из старого боярского рода. Среди гибели княжеских родов он сумел, однако, сохранить близость к царскому трону и не принимал участия в ожесточенной борьбе за власть в дни детства Ивана. Возможно, что в данном случае выбор невесты был только простой формальностью. Захарьины-Кошкины были баловнями фортуны.

Один из братьев Анастасии явился основателем дома Романовых, призванных на царство. Вместе с Шереметевыми, Колычевыми и Кобылиными Захарьины-Кошкины слыли за потомков некоего Андрея Кобылы, прусского выходца, как говорят летописи. Однако со временем национальное самолюбие заменило Пруссию Новгородом, что было легко сделать, так как в Новгороде была часть, жители которой назывались пруссами. Впрочем, едва ли можно оспаривать славянское происхождение Кобылы. Это ясно видно по самой фамилии. Кроме того, известно, что современная германская столица лежит на земле, которую ранее занимали славяне.

Мы не имеем подробных сведений о браке Ивана, но то, что я сказал в предыдущей главе, применимо и к данному случаю. Молодой царь любил свою жену, как и Василий Елену. Спустя много лет Иван с сожалением вспоминал о радостях и счастье, которые ему доставил союз с Анастасией. Однако его медовый месяц был вскоре жестоко нарушен. Брак состоялся 3 февраля 1547 года. Не прошло и трех месяцев после этого, как вспыхнул пожар, уничтоживший целую часть столицы. Иван был выведен из сладкого покоя, в котором окружающие склонны были видеть залог светлого будущего. Красивая и ласковая Анастасия казалась ангелом-хранителем, который удержит государя от вспышек гнева и даст покой подданным. Но это был самообман. Влияние Анастасии было преувеличено, как и все преувеличивалось в этой легендарной стране.

Анастасия Романовна – первая жена Ивана Грозного, Алексей Адашев – воевода и приближенный Ивана Грозного, политический и литературный деятель, священник Сильверст. Памятник «Тысячелетие России»

В сущности, в характере Ивана не произошло никакой перемены. Он на время смягчился, но потом нрав его проявился решительно и бурно. 3 июня 1547 года к царю явились

псковичи с жалобой на своего наместника. Иван обошелся с ними еще хуже, чем с новгородцами. Он вспомнил жестокие потехи детства, велел несчастных псковичей облить спиртом и жечь их, затем велел раздеть. Они уже ожидали конца, но неожиданная случайность отвлекла внимание Ивана в другую сторону. Все это происходило в деревне Островке близ Москвы. Как раз в это время прибыл гонец из столицы с известием, что в Кремле упал большой колокол. Это, по местным понятиям того времени, было дурное предзнаменование; за ним должны были последовать несчастные события. На этот раз примета оказалась верной. Произошли события, выдвинувшие новых людей и придавшие царствованию Ивана новое лицо. Иван тотчас забыл о своих жертвах, потребовал коня и поскакал на место происшествия.

IV. Сильвестр и Адашев

Двадцать первого июня Москву охватил пожар таких размеров, какого еще здесь не бывало. Запылал Кремль. Купол Успенского собора, палаты царя и митрополита, казна, арсенал, два монастыря и множество церквей со всеми их богатствами стали жертвами огня. Митрополит Макарий едва не задохся: спасаясь от огня, он упал и сильно расшибся. Насчитывали до 1700 мужчин, женщин и детей, сгоревших живыми. В торговой части были уничтожены магазины. Ивану негде было жить. Он переехал в село Воробьево, на ту самую гору, с которой Наполеон впервые смотрел на Москву – могилу своей славы. Царь устроил совещание. Его духовник Федор Бармин заговорил о колдовстве как о причине случившегося грандиозного несчастья. По поводу этого случая уже успели возникнуть и распространиться слухи, что чародеи вынимали у мертвых людей сердца, мочили их в воде и той водой кропили город. От этого и произошел пожар. Несколько бояр поддержали это обвинение. Начали разыскивать виновных.

Несколько дней спустя, в воскресенье, толпа народа собралась у пострадавшего от огня Успенского собора и начала называть имена виновников. Правление Елены оставило недобрую память. Мать и братья правительницы стали подвергаться непримиримой ненависти. Появились и свидетели, утверждавшие, что они видели, как улицы и стены домов кропились колдовской водой. Князь Михаил Васильевич Глинский, дядя царя, жил в это время со своей матерью далеко, в Ржеве. Но брат его Юрий был в Москве. Он думал было найти убежище в том самом храме, который пострадал от пожара, будто бы им вызванного. Но толпа ворвалась туда, убила его, а труп выволокли и бросили на то место, где казнили преступников, затем люди устремились к его двору и начали избивать слуг. Спустя три дня чернь появилась в Воробьево и начала требовать выдачи других мнимых виновников пожара. Шуйские, отправленные в ссылку после казни Андрея, теперь были возвращены оттуда и вошли в милость царя. Они находились в свите царя и советовали ему казнить лиц, на которых указывала толпа.

Но Иван решил показать себя. Момент был трагический и решительный. Если бы Иван последовал совету Шуйских, он оставил бы в истории кровавую память. Но следовать указаниям других было не в натуре Ивана. Он был часто несправедливым и жестоким судьей, но судил самостоятельно. Иван был суеверен, как и все его современники, и возможно, что и он разделял общий взгляд на причину пожара и считал обвинение основательным, но обвинители являлись еще большими, на его взгляд, виновниками: они хотели и старались посягнуть на его права, навязывали ему свое решение, свой приговор. Тиран, которого уже знали, превратился в государя, которого должны были узнать. Михаил Глинский бежал в Литву, но по дороге был схвачен Петром Шуйским. Иван велел освободить Михаила, а также и его мать Анну. Много было работы для палача, но расправа производилась с зачинщиками

беспорядков, с теми, кто старался пожить на пепелище Москвы или свести счеты со своими врагами.

Первый биограф Ивана, Курбский, в изображение этих событий ввел один эпизод, который дал повод к ошибочным заключениям позднейших исследователей. В тот момент, когда Ивану угрожала толпа, к нему явился неизвестный священник. Он имел такой вид, какой местные иконописцы придавали изображению пророков, с поднятой к небу рукой, с воодушевленным и суровым лицом. Он заговорил с царем властным голосом, как посланник неба, обличал его словами Священного Писания; в происходивших событиях он видел знак гнева Верховного Судьи. Наконец, он свою речь подкрепил знамениями и чудесами. Эта последняя черта показывает, какую оценку должны мы давать рассказу.

П. Ф. Плешанов. Иван IV и протопоп Сильвестр во время большого московского пожара 24 июня 1547 года

Впрочем, мы имеем другие указания, позволяющие выяснить историческую истину. Уже несколько лет до указанного времени Сильвестр, автор «Домостроя», был настоятелем церкви Благовещения и состоял духовником государя. Поэтому священник, которому Курбский приписывает такую необыкновенную роль, не мог быть неизвестным Ивану. Сильвестр был в дружбе с Владимиром Андреевичем, одним из дядей Ивана, и за него он ходатайство-

вал с успехом перед царем еще в 1541 году. Таким образом ему еще гораздо раньше приходилось оказывать на царя влияние, которое, правда, ограничивалось узкой сферой. Его невысокое положение простого священнослужителя, а также и невысокий интеллектуальный уровень не давали ему возможности широко распространять свое влияние. Курбский, вероятно, вспомнил явление Ионафана к Давиду. Но язык «Домостроя» не имел ничего пророческого. Наступал просто-напросто момент, когда при государе должны были выдвинуться новые люди без какого бы то ни было чуда. Иван понимал необходимость изменения старых приемов управления. Новое направление требовало и новых деятелей. Бессознательно он последовал примеру Людовика XI: «не без основания не доверял он образованным и честным людям, искал себе сотрудников в безвестной толпе, выбирал людей, которые ничему не учились и в своих успехах руководились лишь инстинктом». Как и другой «Грозный», французский король, Иван предпочитал людей, которых сам выводил из ничтожества. Наступление этого момента было, несомненно, ускорено катастрофой 1547 года, и вполне естественно, что Сильвестр выдвинулся во время беспорядков. Ничто не указывает на то, что он с этого момента приобрел над духом молодого царя ту власть, о которой говорит Курбский, а вслед за ним и другие историки.

С другой стороны, был ли Сильвестр настолько крупной личностью, чтобы играть видную роль при таком человеке, как Иван? «Домострой» не обнаруживает в нем ни дальновидного политика с широкими планами, ни высокого моралиста. Кроме «Домостроя», до нас дошли еще три послания Сильвестра, но и в них нет ничего, кроме чистейшей чепухи. Одно из них адресовано Ивану. Подлинность его сомнительна, но глупость несомненна. Наставления его сводятся к проповеди воздержания от содомского греха.

Иван имел другого наставника нравственности – митрополита Макария. Сильвестр далеко уступал ему в знаниях. Он не мог равняться по нравственной возвышенности и с избранной группой, державшейся около Максима Грека. Одним словом, Сильвестр не имел ничего, что могло бы оказывать на других сильное влияние и увлекать их за собой. После 1547 года ему приписывают еще другую роль. Возможно, что он в это время мог оказать влияние на молодого государя. После пожара покои великокняжеского дворца решено было заново разукрасить.

Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси. Икона. XX в.

Во всех странах и во все времена стенная живопись являлась точным отражением идей и понятий века. В XVI веке на Руси не было различия между картинами, украшавшими стены церквей и дома мирян. Стиль и сюжеты были одни и те же. Мотивы заимствовались главным образом из Библии и священных преданий. Сильвестру был поручен надзор за работой художников. Появились картины, сохранившиеся до конца XVII века. Забелин дает точное описание их в своем труде: «Домашний быт русских царей». И в порученной Сильвестру работе он обнаружил только способности придворного льстеца, черта, проглядывающая уже и в «Домострое». Картины, за исключением той, которая изображала кающегося грешника, представляли то побежденного воина, вроде Иисуса Навина, берущего город, то мудрого и

благодетельного царя Соломона в роли судьи. И все это представляло Ивана и символизировало его славные деяния. Быть может, Иван находил в этих изображениях кое-что назидательное для себя, но они главным образом льстили его честолюбию. Нечего и говорить о сценах истребления «всякой души живой» во взятом Иерихоне. Едва ли могли быть исправлены подобными примерами жестокие инстинкты Ивана.

Защитники Сильвестра указывают, что он ввел в эту странную живопись некоторое новшество, о котором свидетельствовала картина неизвестного художника, изображавшая традиционную фигуру Христа и рядом с ним женщину в такой позе, точно она плясала. Картина эта вызвала скандал и церковное следствие. Но сам Макарий выступил на защиту искусства, указывая на то, что художником не допущено никакого кощунства: на картине изображен порок, посрамленный словами Божественного Учителя. Правда, в эту эпоху в русское пластическое искусство проникают вместе с влиянием Запада новые веяния. Но для Сильвестра они были совершенно чуждыми. Тогда же для Благовещенской церкви были написаны псковскими художниками две иконы. Ровинский видит в них подражание итальянцам Чимабуэ и Перуджино.

Период преобразований в правление Ивана открывается созывом Собора. До настоящего времени не удалось установить ни времени созыва, ни характера его совещаний. Можно только сказать, что он был созван несколько лет спустя после катастрофы 1547 года. В этот момент на сцену выступает и Алексей Адашев и вступает в тесный союз с Сильвестром. Но главная роль на этом Соборе принадлежала Макарию. Только неправильное толкование документальных данных могло присвоить Сильвестру и Адашеву руководящую роль, для которой не был создан ни тот, ни другой. Личность Адашева окружена легендами, и его фигура в глазах некоторых историков совершенно заслоняет Ивана Грозного. Многие из них были введены в заблуждение как пристрастными показаниями политического союзника Адашева – Курбского, так и свидетельством самого царя. Это именно и дало повод думать, что этот простой слуга стал на место государя, думал и действовал за него. По представлению некоторых историков, Адашев с Сильвестром образовали дуумвират, более десяти лет правили государством и обеспечивали благосостояние страны.

Саккос (верхнее архиерейское богослужебное облачение) митрополита Макария. 1549 г.

Я постараюсь дальше изобразить положение вещей в настоящем виде и поставлю этих людей на надлежащее место. Свидетельство Курбского, как и Грозного, относится уже к тому времени, когда обоих любимцев постигла царская немилость. Курбский в это время был добровольным изгнанником, и он старался смягчить удар, нанесенный его честолобию, придумывая более или менее удачные оправдания. Иван же всегда отличался замечательным умением в измышлении фактов, помогавших перенести вину с себя на своих врагов. Как известно, политика вовлекла Ивана в ожесточенную борьбу, не прекращавшуюся в течение всего его продолжительного и бурного царствования. Трудно определить, к какой партии примыкали в этой борьбе или, по крайней мере, какой стороны держались Сильвестр с Адашевым. И тот и другой были выскочками, и многие склонны были видеть в них тех новых людей, которых Иван выдвинул в борьбе с боярским самовластием. Но Курбский всецело принадлежал к этому старому боярству и в то же время он был другом и единомышленником Сильвестра и Адашева. Нет другого способа примирить эти безвыходные противоречия, как только признать обоих царских любимцев тем, чем они были в действительности. Иван пользовался ими в борьбе с боярством. Но сами они предпочитали служить боярам, которые по своему усмотрению двигали эти пешки. Заметив это, Иван удалил от себя Сильвестра и Адашева и на их место призвал других. Возвратимся к фактам.

V. Первый Собор. Русский парламентаризм

В 1547 году Иван расправился с чернью и с подстрекателями, толкавшими его самого на путь преступлений. Он произвел свой суд и кое-кого лишил головы. Но правление по-прежнему оставалось в руках бояр, и беспорядки, вспыхнувшие в Москве, были ничто по сравнению с другими, от которых страдало и рушилось все государство. Иван дал пройти еще двум-трем годам, чтобы убедиться в необходимости покончить с этим положением и положить конец злоупотреблениям. В 1549 или 1550 году (последний год более вероятен) был созван, по словам летописей, Собор в Москве. В нем участвовали представители всех сословий и областей. Собрание проходило под открытым небом на Красной площади, возле Кремля. Царь обратился к собравшимся с речью и начал с обличения бояр. Он перечислял их злодеяния и обещал положить им конец, чтобы дать место торжеству справедливости и любви. Заканчивая свою речь, он обратился к митрополиту: «Молю тебя, святой владыко, будь моим помощником и опорой в этом деле любви. Ты сам знаешь, что я остался после смерти моего отца четырех лет. Родственники не заботились обо мне. Сильные бояре только знали злоупотреблять властью... И в то время, как они расхищали мои сокровища, я был точно нем и глух, благодаря своей молодости. Они правили самовластно моим именем. Лихоимцы и хищники и судьи несправедливые, какой дадите вы теперь нам ответ за те слезы и кровь, которые пролились благодаря вашим деяниям! Я чист от крови. Но вы ждите заслуженного вами воздаяния!» Затем царь поклонился на все четыре стороны и просил народ забыть те вражды и тягости, которые были причинены боярами, просил обождать, так как сразу исправить все нельзя, и обещал быть впредь судьей и заступником.

В тот же день Адашев был пожалован в окольничие, и ему было поручено принимать челобитные. Причем Иван приказал ему с особым вниманием относиться к просьбам простых людей и не бояться сильных, притесняющих бедных и слабых.

Этот рассказ нуждается в пояснении. Иван всегда любил театральность, хотя, быть может, на Соборе он и не предавался тем лирическим излияниям, которые в его уста вложены летописцами, но все-таки возможно, что он нечто подобное высказал на Красной площади при этой благоприятной для любителя красного словца обстановке. Но какой смысл имели эти речи? В появлении юного царя пред собранием своего народа славянофилы видели поразительный пример идеальных отношений, основанных на взаимной любви между подданными и их государем. Славянофилы склонны были видеть в этом характерную особенность славянской расы, которая одна способна воспринять и сохранить подобные основы государственного устройства. Другие историки в Соборе видели средства обращения государя к народу с призывом поддержать его в борьбе с боярами. Но все это плод чистейших измышлений.

С. В. Иванов. Земский Собор

Мы не имеем никаких достоверных сведений о составе Собора 1550 года. Но мы можем судить о нем по составу Соборов позднейшего времени. Народные массы вряд ли были на нем представлены. Даже нет указаний на то, что при созыве Собора проводился принцип представительства. В этом смысле некоторые старались истолковать одно место так называемой *Хрущевской* летописи. Она известного происхождения и хранится в московском архиве Министерства иностранных дел. Как и сборник Макария «Степенная книга», это довольно распространенный в то время род компиляции. Но Платонов доказал, что истолковывавшееся место *Хрущевской* летописи представляет вставку позднейшего времени. Сделана она, вероятно, во второй половине XVII века под влиянием некоторых идей, распространившихся в ту эпоху. Приходится видеть в этой вставке как бы отражение практики позднейших Соборов, созывавшихся преемниками Ивана уже совершенно при других условиях.

По вопросу о Соборе 1550 года сам Иван оставил нам сведения совершенно иного характера. Произнося речь уже на другом Соборе, созванном годом позже, он вспоминал то, что говорилось на Красной площади. Под пышным покровом и цветами обманчивой риторики можно немного разглядеть интересующую нас истину. Нужно заметить, что в Москве никогда на слова не скупились и часто расплачивались этой монетой в тех случаях, когда приходилось улаживать неприятные счета. Нет другого народа, который питал бы такое пристрастие к выдумке и изворотливости в речи. На этот раз Иван остался верен себе и выразился неясно. Он только сказал, что повелел боярам, правителям и наместникам *примириться со всеми христианами державы*. Сопоставляя и сближая тексты, можно прийти к следующему вероятному заключению: Собор 1550 года был не более, как простое совещание должностных лиц, эпизод административной жизни той организации, черты которой мною отмечены были выше. Иван, быть может, никогда и не думал изменять характер этого строя.

Апеллировать к народу против бояр значило возбуждать его против должностных лиц. Иван на это никогда бы не решился. Порицая бояр, он главным образом к ним же самим и обращался. Его речь на Красной площади была *ad hominem* [демагогией]. Как бы понял и

принял сразу народ эту речь? Я имею в виду тех представителей, которые хотя что-нибудь смыслили в делах государственного порядка. И много ли можно было найти среди этого народа людей, способных исправить зло, сделанное другими?

В таком случае каковы же были намерения Ивана? Очевидно, таковы: Грозный вовсе не хотел касаться системы *службы* и *служилых людей*, которые в течение многих лет производили ужасные злоупотребления. Он надеялся улучшить работу административной машины, принять управление некоторых колес ее в свои руки, а управление второстепенных поручив новым лицам по своему выбору. Этим объясняется и его обещание быть главным судьей для народа и призвание на службу Адашева; это делалось для будущего. Что касается прошлого, которого «нельзя было исправить», то Иван старался ликвидировать с ним счеты. Тысячи жалоб оставались без рассмотрения. Груды бумаг ожидали своего движения. Разобрать все это в обычном порядке не было возможности, так как производство дел совершалось с невероятной сложностью и медлительностью. «Торжество добра и любви», как и «примирение со всеми христианами державы», по фразеологии того времени, означало просто-напросто, что нужно устроить все дела полюбовно. Для этого, по-видимому, был установлен довольно короткий срок: так, уже в 1551 году Иван мог объявить об успешном разрешении всех дел, накопившихся от прошлого времени.

С. В. Иванов. В приказе московских времен

Созыв народного Собора не согласовался с той системой правления, которую Иван наследовал от своих предшественников. Он не имел намерения разрушать эту систему, но хотел несколько усовершенствовать и приспособить ее к новым государственным потребностям. Никакому представительному учреждению здесь не было места; Иван был далек от мысли вводить его, что видно из того, что даже такой представитель олигархической аристократии, как Курбский, никогда не высказывался против периодических собраний по образцу 1550 года, считая их орудием административного судебного управления. Некоторые,

как, например, автор известного политического памфлета «Беседа валаамских чудотворцев», предлагали ввести в обычное правило подобные совещания.

Однако новую попытку совещания с Собором мы видим только в 1566 году. Как и раньше, Собору была поставлена определенная цель: он должен был разобрать запутавшиеся отношения с Польшей. До нас дошел официальный список членов этого Собора. Он состоял из тридцати двух представителей высшего духовенства, двухсот пятидесяти восьми бояр и боярских детей, высших и низших должностных лиц, девяти земельных собственников, пятидесяти трех московских купцов, двадцати двух смоленских купцов или имеющих занятия в этом городе. Никаких следов участия других элементов населения мы не находим в этом списке. Это совещание «служилых людей» при участии некоторых компетентных специалистов. Польские отношения интересовали торговые круги, и особенно пограничных купцов. Никаких намерений вернуться к вечевым порядкам или усвоить начала западноевропейского представительства не было. Мы знаем, что на Руси существовали *освященные Соборы* – совещания иерархов, созывавшиеся периодически еще в глубокой древности для обсуждения тех или иных вопросов, касавшихся как церковных, так и государственных дел. Быть может, эти освященные Соборы и подали мысль о созыве аналогичных совещаний, получивших впоследствии название Земских соборов.

Старое вече отошло в область преданий. В политической и социальной организации московской державы не было основания для развития представительных начал, имевших место у других славянских и германских народов. Для перехода от вече к народному представительству здесь не было таких промежуточных форм, как съезды дворянства, *magna consilia*, *Herrentage*. Подобно Боярской думе, Земский собор явился видоизмененным старым русским обычаем. Русские князья совещались некогда со своей дружиной, на место которой впоследствии стали служилые люди. С расширением административной деятельности явилась необходимость в служебном представительстве. Всех служилых людей ведь нельзя было собрать в Москве. Правительство и прибегло к выборному началу для распределения служебных функций. С другой стороны, эти избранные представители служилого сословия оказались как бы его депутатами. Так и установился обычай созывать в столице совещания избранных должностных лиц. Задачей их было обсуждение очередных вопросов администрации или совместное решение каких-нибудь общих дел. Доступ на собрания определялся особой системой. Какова же была эта система? Производились ли выборы и в какой форме? Мы об этом ничего не знаем. Во всяком случае, можно полагать, что должностные лица являлись на Соборы только как представители администрации и забота о социальных нуждах их не касалась. Они возвышали свой голос не как защитники каких-нибудь корпоративных групп, но как орган правления. Центральная власть призывала их, чтобы получить от них сведения и вручить им свои инструкции. Это все. Никакого действительного обсуждения вопросов не было. Даже в тех случаях, когда правительство делало вид, что спрашивает совета у собрания, оно, в сущности, только давало ему свои приказания.

О каких-либо политических правах этих мнимых представителей и их избирателей никогда не возникало существенного вопроса. Московское правительство иногда как бы заигрывало с Соборами, пользуясь неопределенностью их положения. Ни одно из этих совещаний не оставило после себя следов законодательной работы и даже никакого самостоятельного решения. Переход князей с одного места на другое и связанный с этим неустойчивый характер русских учреждений мешали развитию корпоративных начал и образованию классов. Группировка разрозненных общественных сил поэтому сделалась задачей центральной власти, которая, естественно, не думала о правах народа, а заботилась главным образом о том, чтобы положить на него разного рода обязанности. Впоследствии в своем основании новый строй свелся к принципу повинности, *тяглу*. Введение выборного начала в эту систему несколько не поколебало ее основания. В обществе мало были развиты соци-

альные интересы, его элементы, можно сказать, недостаточно понимали свои нужды. Благодаря этому выборы и депутатские полномочия были просто новой повинностью, присоединявшейся к общему тяглу. Выборная основа Соборов, как мы видели, не доказана, но если даже мы допустим ее существование, то все-таки она будет представляться не завоеванием стремящегося к свободе народа, а правительственным заданием, вызванным нуждами государства. Земские соборы были продуктом административного творчества, а не плодом продолжительной национальной работы. Их можно назвать надстройкой, механически добавленной к старому неуклюжему зданию, но никак нельзя считать следствием внутреннего развития. Это эпизод эфемерного свойства в истории Русского государства. С 1550 по 1653 год было созвано шестнадцать Соборов, и после закрытия последнего из них не осталось ни живой памяти, ни сожалений о них. Соборы были вызваны к жизни произвольным решением правительственной власти и произвольно той же властью были уничтожены. Ни существование, ни исчезновение их не оставило никакого следа в судьбе русского народа. Пусть даже не правы те историки, которые утверждают, что эта ветвь славянства не способна к свободным формам политической жизни, пусть кажется клеветой их положение, что русская нация обречена на вечное рабство абсолютизму, все-таки в XVI веке не было никакой серьезной попытки в стенах Кремля ввести парламентарный строй.

Историческое значение Собора 1550 года обуславливалось важностью забот, заставивших правительство прибегнуть к этому средству. За созывом Собора последовали важные государственные мероприятия. Царь доказал, что он знает, какие язвы разъедают государственный организм. Он смелой рукой сорвал с них покров. Теперь ему оставалось для врачевания его применить лучшие средства, чем те, которыми пользовались до той поры. Уже следующий год открывает собой эру преобразований.

Глава 2

Первые преобразования

Преобразовательные течения. Новый закон. Реорганизация службы. Религиозная реформа

І. Преобразовательные течения

Из среды образованного класса, в количественном отношении еще ничтожного при Иване IV, а в умственном мало развитого, но уже заинтересованного некоторыми политическими и социальными вопросами; из среды людей мыслящих, спорящих, пишущих исходило два преобразовательных течения. Отправные их положения резко отличались друг от друга, но в конечных целях они сходились весьма близко. И то и другое направление выдвигало новые понятия и планы. Оба они были связаны с великим вопросом современности, с вопросом, касавшимся прав владения землей. Читатели уже знают, какую позицию в этом остром вопросе заняли последователи Нила Сорского и Вассиана Патрикеева. Новый толчок к развитию идей *нестяжателей* сообщил упомянутый выше памфлет «Беседа валаамских чудотворцев». Отличаясь причудливой формой, порой совершенно затемняющей мысль автора, этот памфлет производил большое впечатление благодаря силе и выразительности языка. В этом произведении выводятся фантастические старцы, валаамские чудотворцы – Сергей и Герман. Личность автора остается неизвестной. Некоторые приписывали это произведение перу Патрикеева, но оно написано слишком запальчиво и дерзко. Едва ли какой-либо монах решился бы с такой смелостью восстать против накопления богатств в руках черного духовенства. Правда, политические воззрения автора могут напомнить какого-нибудь монаха своей странной наивностью. Так, по его мнению, главной заботой правительства должно быть наблюдение за точным исполнением постов. Автор требует, чтобы советниками царя были только миряне, а не духовенство, неправильно присваивающее себе подобное положение. Жить в бедности и молиться – это удел духовенства. Трудно допустить, чтобы подобные взгляды высказывались Патрикеевым. Его честолюбие вряд ли бы примирилось с этим.

В такой постановке земельный вопрос расширялся, затрагивал другие интересы и вызывал целый ряд новых требований. Если скопление земель в руках монастырей есть зло, то не будет ли таким же злом и раздача земель служилым людям, постепенный захват ее этими привилегированными элементами, неправды которых сам Иван недавно так изобличал? Ответом на этот вопрос явился новый памфлет, в форме послания царю. Автором его был Ивашка Пересветов – собственное ли это имя или псевдоним, неизвестно.

Основатели Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преподобные Сергий и Герман Валаамские. Икона. XVI в.

Произведение Пересветова явилось настоящим обвинительным актом против служилого класса землевладельцев. По его словам, они волшебством и интригами приворожили сердце царя и заставляют его выполнять их волю. Они чрезвычайно разбогатели, обирая безжалостно разоренных крестьян. Они проводят жизнь в лени и разврате. Трусость их так же велика, как и жадность. Когда они идут на войну, то губят царскую армию, а в мирное время они присваивают себе громадную часть собирающихся с народа в царскую казну податей. Они повинны во всех бедствиях государства.

Что же из этого вытекало? Секуляризация церковных имуществ давно уже занимала московское правительство. Иван III занимался этим вопросом. При нем делались некоторые попытки в этом направлении. Теперь возникал вопрос о служилом землевладении. Как же Ивашка Пересветов разрешал эту проблему? Он предлагал радикальную меру – уничтожить систему кормления, отобрать земли, розданные служилым людям; взамен земель он рекомендовал платить годовое жалованье за службу. Таким образом в руках государя окажутся послушные исполнители. Земля освободится и вернется к своим законным владельцам, и это избавит народные массы от невыносимой тирании.

Оба эти произведения с литературной точки зрения имели большое родство между собою. В одном из них выступали вымышленные старцы; в другом они были заменены каким-то волошским воеводой, у которого будто бы автор имел свое пребывание. Стиль произведения Ивашки Пересветова также причудлив. Несмотря на загадочную форму этих произведений, разные околичности, неясные и прямо темные места, столь характерные для всей фразеологии того времени, в них рекомендовались такие революционные планы реформ, каких мы нигде в других источниках не встречаем. Ни в одной стране не было таких решительных сторонников теоретического радикализма, как в России. Новейший русский нигилизм имеет свои корни в отдаленном прошлом. Но между теорией и практикой тогда, как и теперь, была большая дистанция. В обоих произведениях речь шла не более не менее, как о полной перестройке политического и социального здания. Обе программы реформаторов касались двух категорий земельной собственности. Оба проекта дополняли друг друга, между ними нет противоречия. Оба они представляют собой революционные и демократические решения одной и той же задачи.

Что думал об этом Иван? Как относился он к этому двойному течению? Что касается вопроса о церковном имуществе, то в нем он являлся последователем своего деда. При всех своих изменениях и колебаниях московская политика оставалась в этом вопросе устойчивой. Преемство ее сохранялось в продолжение многих царствований. Однако как деду, так и внуку приходилось считаться с известными препятствиями, которые могли быть ослаблены и устранены только лишь продолжительным временем. Реформа светского землевладения должна была считаться с большими затруднениями. Кем бы ни был Ивашка Пересветов и откуда бы ни заимствовал свои идеи, он должен был чувствовать за собой могущественную поддержку, чтобы говорить так смело. Некоторые места этого памфлета звучат как эхо речи, произнесенной молодым царем на Красной площади. Некоторые склонны были видеть в нем официозного писателя, быть может, предположение это было близким к истине. Хотя и недостойны были служилые люди, против которых сам царь обещал действовать со всею строгостью, но проект Пересветова предлагал прямо экспроприировать их земли, втиснуть их в узкие рамки. Эти меры рекомендовались по отношению к армии и чиновникам – этим двум столпам государственного устройства. Иван очень много думал о замене их. Но для этого раньше нужно было найти тысячи Адашевых, а жить ведь как-то нужно было. И для того, чтобы продолжать существование, следовало не только отказаться от мысли изменить существующий порядок в ущерб служилым людям, но, напротив, скорее упрочить их положение. Еще никакая реформа не коснулась положения служилых людей, когда их привилегиям грозил сильный удар. На владельцев раздавались сильные нарекания, но они, со своей стороны, могли выставить веские оправдания. Они угнетали сверх меры крестьян, но те ведь разоряли помещиков, покидая их земли. Раньше правительство благосклонно относилось к крестьянским переходам и даже им содействовало, видя в них могущественное средство колонизации окраин. Теперь же сама власть почувствовала в этих переходах большую опасность, чем злоупотребления *кормленщиков*. Палач всегда может усмирить строптивых. Но что делать, если для войска и администрации не хватит сил? Что делать, если помещики, и

без того плохо наделенные землей, останутся без куска хлеба? Государство окажется в безвыходном положении.

В своих обличениях и планах Ивашка Пересветов рекомендовал применить одни и те же меры и к крупным, и к мелким собственникам. Он не находил разницы между временными владельцами небольших участков и собственниками обширных вотчин. Пренебрегая достижимыми целями, он уходил слишком далеко от реальных условий. Земля в Московском государстве была единственным фондом, которым располагало правительство. Естественно, что за неимением других средств оно пользовалось ею для вознаграждения лиц, состоявших на государственной службе. Нахождение земли в руках помещиков не представляло ни общественного зла, ни политической опасности. Действительно привилегированный и опасный элемент представляли владельцы старых вотчин. Они одни сохраняли свое богатство и даже часто увеличивали свое состояние, пользуясь кризисами и разорением мелких землевладельцев. В их распоряжении всегда находились в достаточном количестве рабочие руки, которые или привлекались ими лучшей оплатой труда, или же силой переводились на их земли. Вотчины росли. Крестьянское население в них увеличивалось, а вместе с этим увеличивалась и независимость их хозяев. Они также служили государству, но по своему желанию, и они составляли недисциплинированную, строптивую массу, непривыкшую повиноваться и почти недоступную карам.

А. Ф. Максимов. На службу государю. Акварель

Правительство постоянно заботилось о государственных интересах. Оно не могло обойтись без помещиков и без вотчинников. Поэтому оно не могло думать о немедленном уничтожении их интересов. Для него было более удобным противопоставить друг другу обе эти стороны и, ослабляя более сильную и опасную, тем самым укрепить слабую, менее угрожающую. Достигнув этой цели, надо было скорее устранить враждебные элементы. И таким

образом, сохраняя неприкосновенным здание государственного строя, удержать на месте полезные колонны и удалить ненужные. Это приводило к завершению исторического процесса, длившегося уже более века: медленно, но неуклонно вытеснялись удельные князья и вотчины и укреплялись самодержавный царь и *поместная* система. Иван должен был остановиться именно на этой программе. Только она одна соответствовала традициям и насущным потребностям его державы.

До последнего времени этого не понимали, между тем здесь вся история опричнины.

Иван, конечно, к этому пришел не сразу. В тот момент, к которому мы теперь подошли, он, быть может, сам блуждал между двумя течениями идей, новизна и смелость которых могли увлечь его пытливый и предприимчивый дух. Он внимательно прислушивался к *нес-тяжателям* и, вероятно, поддерживал Ивашку Пересветова. Он искал своей дороги, вступал на нее осторожно, пробуя почву и, когда нужно, отступая назад. Такова история 1550–1551 годов с событиями, относящимися к этому времени. Как, например, редакция нового закона, созыв церковного Собора. Благодаря тому что на этот Собор был введен светский элемент и на нем обсуждались государственные вопросы, он создал целую эпоху и в политической жизни страны.

II. Новый закон

Людовик XI перед смертью мечтал собрать и объединить обычаи Франции. Эта мысль была осуществлена только при Генрихе Третьем. Но здесь еще не было кодификации. Русским законодателям 1550–1551 годов пришлось переработать существовавший уже раньше *кодекс* – *Судебник* 1497 года. В этом кодексе обнаруживались стремление к установлению в государственной жизни единообразия и попытка ввести общий для всех порядок судопроизводства. Русские законодатели по сравнению с западноевропейскими как будто имели первенство на своей стороне. Но это только кажущееся преимущество 1497 года в сущности почти не изменило юридических понятий и формы *Русской Правды* XI века. Только в отдельных случаях оно попыталось приспособить их к условиям своего времени. За исключением отдела о судопроизводстве и судоустройстве *Судебник* представлял копию древнего русского юридического памятника. Судебник Ивана III проникнут духом политической централизации. В законодательной деятельности Ивана IV проявилось два как будто противоречащих друг другу направления. Судебник 1550 года в некотором смысле делает шаг назад: он передает судебные функции старым местным организациям. Но в то же время с чисто юридической точки зрения он представляет собой хотя и робкое, но несомненное движение вперед.

Судебник Ивана IV 1550 года – памятник русского права XVI века, первый в русской истории нормативно-правовой акт, провозглашённый единственным источником права. Принят на первом в Русском царстве Земском Соборе 1549 года при участии Боярской думы

Из этих двух сторон нового кодекса первая имеет несравненно большее значение. Задача тогдашней администрации целиком сводилась к отправлению судебных обязанностей. Поэтому новый кодекс проводил общую коренную реформу управления, правда, в очень смутных и неопределённых положениях. Но от литературных произведений того времени вообще нельзя ожидать большей определённости.

Реформа не явилась произвольным измышлением самого Ивана или его советников. Программа Ивана III была проникнута духом централизации, однако он уже допускал население к некоторому участию в суде. Население принимало участие в нем через своих выборных представителей – *старост, сотских, добрых людей*. Подобная уступка со стороны правительства была вызвана, очевидно, живучестью некоторых местных традиций. Однако роль этих выборных от народа лиц ограничивалась простым контролем судопроизводства и оставалась факультативной. Это были как бы обложки уничтоженных древних учреждений, а потому и рамки деятельности их были слишком сужены. Старосты, сотские, добрые люди были не везде, государство не заботилось ввести их повсеместно. Новый кодекс провозглашал намерение провести выборное начало и сделать его обязательным. Выборные люди должны были быть во всех судебных округах. Даже больше того. Во время малолетства Ивана центральное управление создавало большие беспорядки в областях: должностные лица часто пренебрегали своими обязанностями; силой вещей создались новые судебные власти. Кому-нибудь нужно же было задерживать и судить наполнявших в то время страну бродяг и разбойников. Сельские и городские общины разных областей ходатайствовали перед правительством о разрешении им выполнять судебные функции через выборных лиц. Правительство предоставляло населению эти судебные права особыми грамотами. А выборные органы этого нового типа учреждений стали именоваться *губными старостами*. *Губой* назывались части областей, те есть округа. Так, на губы разделялись Псковская и Новгородская области. Сначала эти новые местные суды не касались уголовных дел. Но с

течением времени последние наравне с другими перешли в их ведение, и Судебник 1550 года дает только формальную санкцию совершившемуся факту. Одним росчерком пера уголовная юрисдикция была возложена на местные общины. И это был только первый шаг. Наступившие вскоре войны мобилизовали служилых людей, и за отсутствием их казалось естественным и удобным административные обязанности возложить на новые общинные выборные органы. Целым рядом грамот, изданных после 1555 года, правительство преобразовало свою финансовую организацию: теперь как распределение, так и сбор налогов передавались общинам.

Это было не более, не менее как частичное осуществление программы Ивашки Пересветова. *Кормление* уничтожалось устранением самих *кормленщиков*. После 1552 года Иван и не скрывал своих намерений реорганизовать систему администрации на этих началах. Служилые люди при этом должны были утратить существенную основу своих прав на землю. Характерно, что служилые люди и не протестовали против этого плана, с их стороны не слышится никаких жалоб. Они, очевидно, охотно соглашались отказаться от своих привилегий на землю даже при скромной денежной компенсации, но более верной, чем непостоянный доход с их приходивших в разорение поместий. Казалось, реформа даст общинам полную автономию и произведет коренную перемену в хозяйственном, социальном и политическом строе государства. Но она приостановилась. Как и следовало ожидать, люди оказались ниже идеала. Население во многих местах оказалось неподготовленным к выполнению возложенных на него обязанностей и не могло воспользоваться благами оказавшегося ему не по плечу самоуправления. С правом собственного суда была связана тяжелая ответственность. Некоторые области были очень редко населены, общинная организация поэтому встречалась с непреодолимыми препятствиями, даже самые подготовленные к общественной работе элементы не могли проявлять свою деятельность из-за разбросанности на огромных пространствах. Кроме того, население боялось ответственности и уклонялось от осуществления предоставленных ему прав самоуправления. Да и само правительство смотрело на общинную автономию как на привилегию, а по старым традициям всякая привилегия должна быть оплачена. Поэтому грамоты, устанавливавшие общинное самоуправление, сделались предметом торговли. Общины должны были покупать судебные права, которых лишались прежние должностные лица. Одни не решались на подобные денежные жертвы, другие не могли их произвести по бедности.

В этом отношении население края разделилось на две части. На севере по среднему и нижнему течению Оки население было промышленным, более сплоченным. Оно воспользовалось реформой. На юге недостаток материальных средств и низкий культурный уровень населения мешали ее проведению. С течением времени, с ростом населения и развитием его благосостояния, самоуправление могло распространиться повсеместно. Однако развитие общин скоро приостановилось: петля крепостного права все туже затягивалась и душила их. С другой стороны, укоренялся бюрократический режим и в центре, и в некоторых провинциях. Правительство накладывало свою руку на новые учреждения и искажало их. В конце XVI века губные старосты обратились в простых чиновников, назначавшихся правительством и зависевших от Москвы.

Неудачная попытка Ивана IV очень напоминает реформу, проводившуюся во Франции в XII–XIII веках Филиппом-Августом и Людовиком Святым. Этой реформой были созданы городские общины. Еще большую близость мы замечаем между преобразовательными попытками Грозного и мероприятиями X–XI веков во Франции, где путем грамот, даровавшихся крестьянам отдельных феодалов, было положено начало образованию сельских общин. Но между этими двумя явлениями есть существенная разница. Во Франции реформа была направлена на освобождение крестьян, в России же, напротив, она способствовала их закрепощению. Русские крестьяне были уже более несвободны в то время, когда

Иван Грозный хотел воспользоваться их стремлением к независимости для своей государственной реформы, и они остались безучастными к намерениям царя.

С. В. Иванов. Приезд воеводы

Иван также следовал примеру Эдуарда I, английского короля, возложившего на *gentry* [дворянство] полицейские и судебные обязанности. Но в Англии в теории и на практике повинность неразрывно связана была с привилегией. На Руси же между тем и другим не было связи. Среди крестьян не было подходящих кандидатов на должности по самоуправлению, или же правительство не хотело их найти. Так эта выборная должность стала привилегией служилых людей в том смысле, что крестьяне должны были выбирать кандидатов на должности из этого класса людей. На их же долю оставались только тяжелые обязанности. Однако и сами служилые люди скоро почувствовали, что и их положение незавидно. Им недоставало самого существенного – независимости. Здесь перед нами вскрывается характерная черта московской политики; мы видим если не единственный, то, по крайней мере, главный мотив преобразований Ивана Четвертого. Целью их меньше всего было усиление централизации. Без сомнения, эти попытки реформы имели совершенно противоположную тенденцию.

Здесь рельефно выступают роль и фикции внешних приемов московской политики. Реформа имела только один прочный результат: она способствовала разложению тех независимых элементов, которые еще существовали в Московском государстве. Политическая программа Ивана ставила своей задачей централизацию власти. Но осуществление ее встречало препятствие в лице владельцев наследственных вотчин. Они еще пользовались широкими правами и полнотой власти на своих землях. Молодой царь решил покончить с этими остатками прошлого времени. Средством для этого и явилась новая правительственная система, объединявшая разнородные элементы. Ее действия он сам направлял полновластной рукой хозяина. На Западе централизация опиралась на освобождавшиеся зависимые

классы. Старые феодальные формы разрушались, и уничтожался местный партикуляризм. На Руси классовых делений не существовало; город, монастырь, деревня со своим владельцем, уезд, населенный свободными крестьянами, представляли ряд не связанных друг с другом общими интересами мирков. Государственная власть делала попытку искусственно создать отсутствующие элементы. Они образовали местные общины, между которыми распределяли повинности. Но указы бессильны создать подлинную жизнь. Задуманная реформа оказалась мертворожденной. Впрочем, она имела значение в том смысле, что уничтожила следы старого и подготовила торжество нового порядка, при котором совершилось всеобщее порабощение.

Судебник 1550 года с большой осторожностью касается вопроса о праве собственности на землю. Во всяком случае законодатель становился в оппозицию к передовым течениям того времени. Консервативные элементы могли быть удовлетворены его мероприятиями. Обычай, закреплявший право собственности на землю, приобретал теперь силу закона и получал некоторую устойчивость. Он признавал право выкупа наследственных владений, то есть продавец или, за его отсутствием, родственники могли во всякое время вернуть себе отчужденную недвижимость, возвратив купившему стоимость его. Правда, действие этого закона было ограничено сорокалетним сроком со времени его издания, и воспользоваться правом выкупа могли лишь только ближайшие родственники, но все же законодатель укреплял один из самых ненавистных пережитков, препятствовавших свободе обмена и экономическому развитию.

В другом пункте, затронутом законодательством Ивана Грозного, сталкивались два противоположных принципа и два враждовавших между собой общественных элемента. И здесь Ивану пришлось совершить отступление. Мы знаем, какие источники рабства на Руси устанавливали обычай и Судебник 1497 года. В Судебнике 1550 года число их было несколько ограничено тем, что признавались свободными дети, рожденные до перехода родителей их в холопы, родителям запрещалось продавать в рабство детей, рожденных ими в свободном состоянии. Договоры о переходе в холопы должны были представляться на рассмотрение высшим должностным лицам и притом только в таких городах, как Москва, Новгород, Псков. Но вместе с тем мы встречаем в том же новом Судебнике постановления иного характера. Так, разрешалось крестьянину оставить занимаемый им земельный участок во *всякое* время года в том случае, если он желал отказаться от свободы и продавал себя в холопы. С другой стороны, увеличивалась плата за *пожилое*. Таким образом, новый закон сильнее затягивал на шею крестьян петлю, и без того душившую уже их.

В этом последнем мероприятии личные склонности государя, без сомнения, не играли никакой роли. Целый ряд предложений, приготовленных от его имени для Собора, свидетельствует об ином настроении царя. Но тот, кто впоследствии издевался над Баторием, терпевшим ограничение своей власти, не решился на этот раз воспользоваться своим всемогуществом. Он был еще слишком молод и мало уверен в своих идеях и намерениях.

В области гражданского права новый Судебник оставил неприкосновенным порядок наследования. Только в 1562 году было сделано значительное изменение, упрочившее торжество политической программы, о характере которой я уже говорил раньше: за отсутствием наследников мужского поколения княжеские и боярские наследственные вотчины переходили к государству, если о них не было сделано завещательного распоряжения. Спустя десять лет право наследования было сохранено только по отношению к жалованным вотчинам, о которых в жалованной грамоте было сказано, что они даются во владение получившему лицу и его роду. Притом право наследования могли осуществлять только прямые потомки, а боковые – лишь до второй степени родства.

Судебник 1550 года, как и 1497 года, главным образом касался вопросов судопроизводства. Но он выгодно отличался от прежнего кодекса. В нем рассматривались меры упорядо-

чения судебного разбирательства, полагались строгие наказания недобросовестным судьям, осуждалось ябедничество, закреплялись известные правила применения пыток и судебных поединков. В нем ничего не оставлено без внимания. В этой специальной области было сделано все, чтобы исправить глубоко укоренившиеся недостатки судопроизводства. Кроме того, в этом Судебнике были затронуты факты другого порядка, и это было важным нововведением: в нем устанавливалось наказание за бесчестие, различались и степени его. Но в целом Судебник был проникнут духом консерватизма. Иван стоял лицом к лицу с торжествовавшей армией своих непокорных бояр. Они все еще сохраняли все свои преимущества, все права, привилегии и по-прежнему злоупотребляли ими.

Однако Ивашка Пересветов говорил не попусту. В том же 1550 году Иван сделал решительный шаг по тому единственному пути, который он мог выбрать. Он начал борьбу, в которой шансы на победу были на его стороне. Он попытался примирить необходимую реформу со старой правительственной системой, которую нельзя было уничтожить. 10 октября был издан указ, реорганизовавший высший класс служилых людей.

III. Реорганизация службы

Запомните это заглавие: в нем зародыш *опричнины* и всей внутренней истории царствования Ивана Грозного.

Было отдано приказание собрать тысячу детей боярских из лучших людей и дать им поместья в московском и в соседних с ним уездах. Эта тысяча отборных людей должна была составить высшую столичную знать и главный контингент послушных лиц для несения разного рода службы, преимущественно военной. К этому разряду были причислены также аристократические фамилии, еще раньше разместившиеся близ Москвы, а также и высшие чиновники. Последние получали земельные участки, если еще не имели их. Вся эта аристократия разделялась на три класса – *статьи*. Не решаясь совершенно уничтожить местничество, законодатель ввел его в определенные границы. Всякому земельному наделу соответствовала строго определенная служба: с каждой сотни четвертей посева (около пятидесяти десятин) землевладелец должен был выставить в военное время конного человека и, кроме того, дать еще запасную лошадь, если поход предполагался продолжительным. Человек и лошадь могли быть заменены определенной суммой денег. Государь со своей стороны гарантировал денежное вознаграждение за каждого поставленного на войну сверх требования человека, независимо от жалованья, уплачивавшегося всем участникам похода.

С. А. Иванов. Смотр служилых людей

В установившейся таким образом иерархии, смешивавшей все звания и преимущества, идея службы занимала первое место. В протоколах Собора 1566 года мы находим указание, что развитие новой системы имело успех: в списке знатных лиц нет ни одного княжеского имени. Сословие правительственных чиновников заняло теперь первенствующее положение. Оно заслонило собой и поглотило княжеские роды. По крайней мере, официально последние как будто не существуют. Иногда они еще заявляют и поддерживают свои права на существование. Но закон их игнорирует. Иногда они и сами забывают о себе. Уже в 1554 году один из потомков древних удельных князей Воротынских Михаил Иванович величает себя только именем *дворянина* – именем, ставшим выше всех других. Московская политика неуклонно стремится удалить последние остатки родовых притязаний из области служебной иерархии. В 1566 году из девяноста четырех дворян первого ранга только тридцать три оказываются членами старых княжеских родов.

Таковы были последствия указа 1550 года. Новая система несколько лет спустя нашла себе еще более широкое применение в сторожевой службе, организованной в 1571 году на южной и юго-западной границе и возложенной на землевладельцев пограничных областей. Еще во время детства Ивана в Темникове на Мокше было сооружено укрепление и одновременно с этим вдоль линии естественных границ государства были размещены вооруженные отряды для наблюдения за движениями татар. В 1555 году была организована впервые регулярная охрана из *стрельцов*, размещенных вдоль Волги, и казаков – *Хоперский полк*, до настоящего времени хранящий обрывки знамени, переданного ему самим Иваном Четвертым.

Казак верховых станиц. Иллюстрация из книги А. И. Ригельмана «История или повествование о Донских казаках». 1846 г.

Кроме того, в областях, подвергаемых угрозе нападения, были даны поместья боярским детям. Они были сами заинтересованы в защите границ и обязывались за пожалованные земли нести постоянную службу. Так возникла двойная цепь порубежных укреплений, тянувшихся от Алатыря и Темникова к Путивлю и от Нижнего Новгорода к Звенигороду. Подобная же организация распространилась на восточной и западной границе. Постепенно образовалось обширное кольцо укреплений, обеспечивавших государству недостававшую до того времени безопасность.

Реформа службы была широко задумана и проводилась с необыкновенной энергией, несмотря на тяжелые внутренние потрясения. Это одно является уже достаточным оправданием Ивана от тех обычных и неосновательных обвинений, которые и относятся главным образом к этому периоду его царствования. Грозный не только рубил головы, он делал и кое-что иное. Не его вина в том, что Собор 1551 года, которому был представлен его Судебник, не вписал в историю государства еще более блестящую страницу.

IV. Религиозная реформа

Собор 1551 года в истории известен по имени *Стоглавого собора*. Такое название получил он от совершенно произвольного деления его постановлений на сто глав. Собор состоял из митрополита, архиепископов новгородского и ростовского, большого числа епископов, архимандритов и игуменов.

Мирской элемент был представлен на нем высшими придворными чинами и Боярской думой в полном составе. Иван не упустил случая произнести речь и на этом Соборе. Здесь было и покаяние, и обращение к молитвам и мудрости присутствующих – все эффекты риторики. Затем Собор занялся рассмотрением и утверждением нового закона. Все это было простой формальностью. Если даже и возникали какие-либо прения, то они были еще раньше исчерпаны государем с его советниками-мирянами, которые одни только и могли интересоваться вопросами законодательства. Собор представлял собой моральный авторитет всего государства. Иван ожидал получить от него санкцию уже совершенным или еще только провозглашенным реформам. Это было обычным приемом и вместе с тем характерной чертой русской политики, прибегавшей к игре в парламентаризм. Впрочем, государь решил воспользоваться сотрудничеством Собора и для обсуждения некоторых законопроектов, для которых ему нужно было не только согласие, но и опытность собравшихся.

Таковы были законопроекты о запрещении местнических счетов во время войны, о пересмотре пожалованных правительством поместий, чтобы установить соответствие между величиной земельных участков и служебными повинностями, о мерах против постоянного передвижения тяглого населения с одного места на другое и об упорядочении налоговой системы, об уничтожении кабаков, о наделении земель боярских вдов и сирот и о всеобщей переписи земель.

От законодателей того времени нельзя ожидать ни ясности изложения, ни определенности плана. Работа их полна загадок и случайностей. Собор приложил старание в выполнении возложенных на него задач. Трудно было подыскать средство против передвижения тяглых элементов, и Собор его не указывает. Проект об уничтожении кабаков возник под влиянием религиозных течений, но он шел вразрез с интересами фиска, поэтому и остался в области благих пожеланий. Что касается местничества, то оно было запрещено во время походов. Перепись земель и пересмотр положения пожалованных поместий решено было произвести немедленно. Наконец, было постановлено наделять боярских вдов и осиротев-

ших дочерей земель для временного пользования; при вступлении же в брак или при пострижении в монастырь они лишались права на свои участки. Впрочем, все это явилось лишь добавлением к программе Собора, и потому мы не находим ни в одной из ста глав его постановлений никакого следа этих решений. На этом Соборе, где преобладал церковный элемент, иные вопросы занимали умы его участников. Хотя программа Ивашки Пересветова была отвергнута или, по меньшей мере, сведена к такому минимуму, что ее трудно было и узнать, однако вопросы, выдвинутые валаамскими чудотворцами, волновали умы. Требования *нес-тяжателей* стояли на очереди.

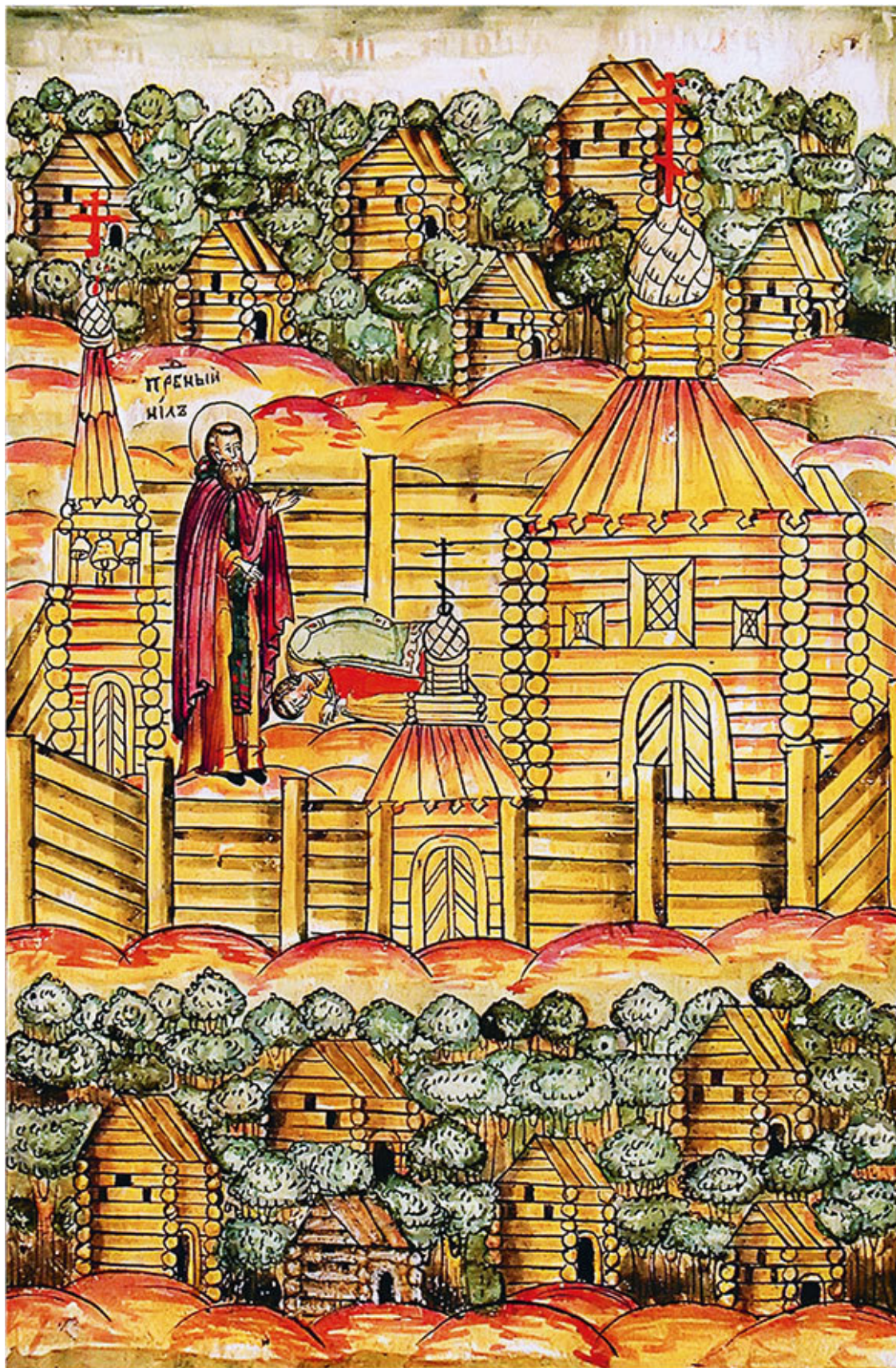
В этом направлении Иван первоначально обнаружил как будто несколько больше энергии и инициативы. Несомненно, он находился под влиянием учения Нила Сорского. Противнику осифлян Артемию, поставленному вскоре игуменом Троицкой лавры, было поручено

сделать государю доклад, в котором определенно говорилось бы о секуляризации монастырских имуществ. Дошедшее до нас одно из писем этого монаха ясно свидетельствует о его планах. Среди членов Собора, между прочим, был епископ рязанский Кассиан. Он был, как полагают, автором сочинения, в котором резко осуждалось растление нравов среди белого и черного духовенства. Хотя Россия в то время была изолирована, но и сюда проникали те течения, которые в то время на Западе производили полный переворот.

Митрополит Макарий оказался достойным учеником своей alma mater – Волоколамской обители, он самым энергичным образом восстал против радикальных мер. В одном послании, явившемся, быть может, ответом на какой-нибудь проект молодого царя, он доказывал, ссылаясь на греческих императоров, русских государей и даже татарских ханов, что все они уважали собственность церкви. На Соборе осифляне составляли подавляющее большинство. Ивану пришлось идти на уступки. Он ограничился только лишь укоризненным указанием Собору на беспорядки в заведывании монастырскими имуществами и на чрезмерную алчность черного духовенства.

Теоретически Собор высказался за преследование злоупотреблений в этой области монастырской деятельности, но практические меры принял только после некоторой борьбы. Они сводились к возвращению государству тех боярских вотчин, которые перешли к монастырям без «государева доклада»; эта мера распространялась и на все земли, полученные церковью таким путем, сюда входили даже те земельные дары, которые были получены ею в период малолетства Ивана. На будущее время монастырям запрещалось покупать старинные княжеские вотчины. Вместе с тем духовенство лишалось права приобретать какие-либо вотчины без согласия на то государя. На церковь были возложены некоторые новые повинности, несмотря на то что она уже, как указывалось на Соборе, выставляла ратных людей и участвовала в несении расходов по содержанию укреплений в некоторых городах. Теперь она должна была помогать своими средствами выкупу пленных. За этими уступками со стороны церкви должны были последовать и другие. В 1573 году по указу царя *освященный Собор* постановил в пользу богатых монастырей вотчин не завещать. В 1580 году как черному, так и белому духовенству было запрещено приобретать какие бы то ни было земли ни за деньги, ни в качестве дара.

Рост земельных владений духовенства прекратился.

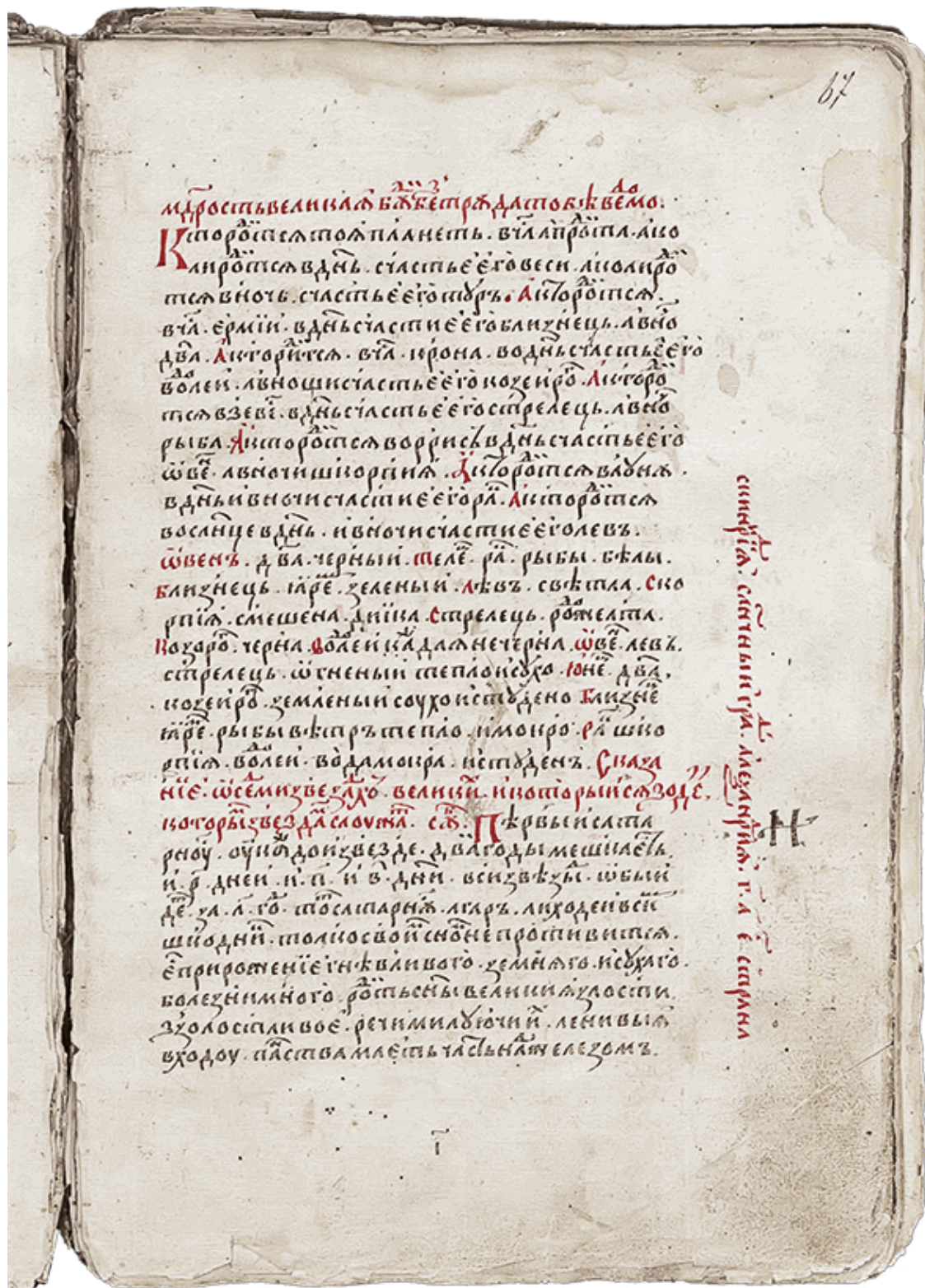
Преподобный Нил Сорский и его ученик преподобный Иннокентий в Белозерском скиту. Миниатюра из сборника житий Вологодских святых. Конец XVII – начало XVIII века

В 1551 году в другой сфере жизни Иван решил в преобразовательной деятельности пойти дальше. Его намерения обнаруживались в целом ряде запросов, с которыми он обращался к Собору. Тон их чрезвычайно горяч и резок. Порой они кажутся эхом английской Blacklook 1534 года, или же обвинительного акта, составленного сподвижниками Томаса Кромвеля против сомнительной нравственности и грубой жестокости монахов. Иногда запросы Ивана напоминают анекдоты, которыми оживлял свою переписку Лейтон. Характерно, что и эти порой очень обидные вопросы царя и ответы на них Собора вместе с дополнительными замечаниями Ивана вошли в состав «Стоглава» и составляют существенную часть его. Встречаются весьма любопытные диалоги. На первых порах Собор, очевидно, уклонялся от обсуждения щекотливых вопросов. В первых сорока главах идут непрерывной чередой нескромные вопросы царя. Затем следует общий ответ Собора, но в нем нет ничего цельного. Иван настойчиво указывает на дурное пользование монастырскими имуществами. Собор делает вид, что не понимает упрека, и в ответ выдвигает разные вопросы, относящиеся к богослужению. С сорок первой главы дело принимает другой оборот. Быть может, сам царь признал необходимым несколько изменить план обсуждения вопросов. Вопросы и ответы правильно чередуются, но духовные отцы все еще ограничиваются недомолвками и избегают определенных решений. Некоторые уже затрагивавшиеся раньше пункты снова ставятся на очередь, но без значительного успеха. Заходит, например, речь о распущенности духовенства. Собор, не без некоторого лукавства, подымает жалобы о процветающем среди мирян содомском грехе и неожиданно переходит с самым серьезным видом к обсуждению каких-нибудь проблем аскетической жизни, вроде того, если какая-нибудь монахиня заболевает, может ли она исповедываться у кого-нибудь из светского духовенства? Иногда диалог переходил в бранчливый тон и сводился на личную почву. Иван указывает, например, на некоторые недостатки в иконописи. Собор отвечает: «Обратите внимание на то, что делается в Кремле!» Намекали на знаменитую картину Рублева, художника XV века. Она была заменена образом сомнительного православия. Благодаря этим уверткам и отклонениям общая идея церковной реформы терялась, не выливаясь в определенные формы. Мы видим только частичные улучшения: учреждение духовных старост и десятников, в обязанности которых входило наблюдение за нравственным поведением духовенства, предписание монастырям строго соблюдать обособленность обоих полов и выполнять общежительный устав. Все это было принято в принципе, но на практике оставалось мертвой буквой. Собор был вынужден признать существование известных беспорядков, порочивших русскую церковь и даже угрожавших ее будущему. Он сознавал, что причиной этих неурядиц было главным образом невежество, в котором коснело и белое, и черное духовенство. Собор признал необходимым завести возможно больше школ, где будущие священники могли бы получать образование, но он не сделал ничего для выполнения своего плана. Он считал, что для этой цели достаточно будет усердия и пожертвований бедных священников, живших в большинстве случаев чуть ли не милостыней. Епископы и архимандриты сами были недостаточно образованны и отказывались от всякого содействия осуществлению намеченного плана. Они не понимали, что нужно было бы начать с поднятия умственного уровня высшего духовенства. В толковании и выборе текстов сам Макарий делал грубые ошибки.

Быть может, под влиянием Максима Грека Собор занялся вопросом об искажении священных книг и постановил в Москве открыть типографию, где должны были печататься книги, исправленные по наиболее точным образцам. Но эта типография просуществовала недолго. Другое постановление Собора касалось осуждения безбожных и еретических книг. И этими книгами были *Secretum Secretorum*, сборник средневековой мудрости, известный на Руси под названием «Аристотель», астрономические картины Эммануила Бена Якоба, называвшиеся здесь «Шестокрылом». Это была вся светская литература в стране. Чтобы спасти свое внешнее достоинство, Собор решил дать ответ на обвинение в безнравственно-

сти духовенства и в духе сурового ригоризма, соответствовавшего аскетическим стремлениям времени, снова подтвердил церковное осуждение всяких мирских удовольствий.

Новый закон предлагал подобие административной реформы в церковной жизни. Начала самоуправления должны были лечь в ее основу. Церковный суд, вверявшийся епископами боярам, дьякам, десятникам, вызывал постоянные жалобы. Об упразднении этих должностей нечего было и помышлять – они ведь существовали и при митрополитах Петре и Алексее! Решено было дать священникам право участия в судах через своих выборных старост и сотских. Но при этом совершенно позабыли определить роль этих представителей.

Страница из книги «Аристотелевы врата» или «Тайная тайных» – древнерусский вариант памятника, пользовавшегося исключительной популярностью во всей средневековой Европе и известного там под названием «Secretum Secretorum». Конец XV – начало XVI века

Пред нами выступают слабые стороны и недостатки церковной реформы 1551 года, но она, по моему мнению, не заслуживает того пренебрежительного отношения, какое она вызывает в наше время. Анафема, постигшая ее позднее на Соборе в 1667 году, указывает на сравнительную смелость этой попытки. В самом деле, не слишком ли много было бы требо-

вать еще большего от этой незначительной кучки людей, которая появилась среди невежественного, развращенного, без всяких идеалов общества и добила кое-чего положительного? Некоторые ученые уменьшали и даже совершенно отрицали личные заслуги Ивана в этом деле. Все сделано Сильвестром или Адашевым, Максимом Греком или Макарием; говорят, что даже знаменитые вопросы, предложенные Иваном на обсуждение Собору, были внушены и даже продиктованы Ивану этими лицами. Несомненно, что молодой царь не задумывал и не проводил всего сам, но считать его пассивным орудием в руках других – заблуждение. Во время занятий Собора первые решения его были отосланы в Троицкую лавру, где находились тогда бывший митрополит Иосаф, епископ ростовский Алексей и некоторые другие духовные лица. Им было предложено дать свое заключение по вопросам, затронутым на Соборе. Возможно, следствием этого было известное нам решение вопроса о монастырских землях. Но Иосаф и другие были опальными сторонниками Нила Сорского и не могли быть привлечены к участию в трудах Собора иначе, как верховной властью. Среди духовенства, возвратившегося из Троицкого монастыря с заключениями Иосафа, упоминается и Сильвестр. Трудно предположить, чтобы он на свой страх поддерживал подобные мнения. Вообще сомнительно, чтобы он был заодно с *заволжскими старцами*. На его «Домострое» лежит отпечаток грубоватого аскетизма, но осифляне провозглашали то же самое. Это было господствующее направление в официальной церкви. К тому материалу, который послужил основанием «Стоглава», некоторые относят и письмо Ивану священника Благовещенской церкви. Как уже было замечено раньше, сомнительно, что это письмо написано Сильвестром. Собор коснулся лишь одного вопроса, затронутого этим письмом, – о ношении мирянами бороды. Этот вопрос связывался у Сильвестра с борьбой против содомского греха, который, очевидно, особенно занимал автора «Домостроя». Но точно так же смотрели и другие моралисты. По их мнению, безбородые мужчины, уподобляясь женщинам, легко могли возбудить порочные желания.

Хотя Иван был еще очень молод, но по своему развитию и образованию он стоял на более высоком уровне. Вопросы, предложенные на обсуждение Собора, были не только внесены от имени царя, но частью и *написаны его собственной рукой*. Сравнивая их с позднейшими произведениями того же автора, мы ясно видим в них отпечаток его своеобразной личности. В них не только его мысли, но и стиль, его выражения, порывистые, резкие, язвительные и колкие. Здесь нет ничего, напоминающего Сильвестра, этого убогого писателя и ничтожного мыслителя. Даже в вопросах, касавшихся богослужения, где Макарий мог и должен был руководить Иваном, он обнаруживает весьма обширные познания.

Добавим, что изучение «Стоглава» началось сравнительно недавно. Причем текст его был не полным, что часто приводило ко многим недоразумениям. Запрещенный в 1667 году как еретическое произведение, «Стоглав» в течение почти двух столетий был недоступен для историков. Вероятно, Макарий был главным виновником неудачи реформы 1551 года, он был вдохновителем противодействия, оказанного Собором как преобразовательным идеям сторонников Нила Сорского и Иосафа, так и личным стремлениям государя. Митрополит, правда, был сам сторонником реформы, но он ее понимал совершенно иначе. Поворачиваясь спиной к прогрессу, он видел спасение только лишь в покаянном возвращении к прошлому, в восстановлении его забытых и нарушенных традиций. Он стремился к осуществлению идеалов первоначального христианства, понимавшегося им совершенно произвольно. Благочестие основывалось на мелочном соблюдении всевозможных обрядов. Строго иерархическая церковь составляет своего рода аристократию, увеличивавшую из года в год богатства, посылаемые ей Богом. Церковь входит в союз с государством на основании взаимной поддержки. Беспощадное преследование ересей. Школы не нужны. Таковы идеалы Макария. Что касается заключений Иосафа, то Собор сам не обратился бы к нему и не принял бы их к руководству. Для этого нужна была верховная воля, которая одна только была в состо-

янии сделать Собору подобный вызов. Заключение эти были вписаны в «Стоглав» и дали повод к естественным недоразумениям. Некоторые полагали, что Собор присоединился к ним и, таким образом, принял идеи нестяжателей. В действительности же это только частичная капитуляция Собора. Честь этой победы принадлежит Ивану.

Стоглав – сборник решений Стоглавого собора 1551 года

Сама по себе эта победа была незначительна и еще более ослаблена усилиями противной стороны. Во многих местах решения Собора оставались долго неизвестными. Везде официальная церковь старалась помешать их осуществлению. В 1554 году был созван новый Собор для осуждения ереси Матвея Башкина и его последователей. На нем церковь вознаградила себя за понесенное ею поражение: в дело Башкина были впутаны выдающиеся сторонники реформы. Кроме того, пораженные в более важных своих интересах, некоторые из духовных консерваторов вступили в союз с другими недовольными элементами. Следуя своей преобразовательной программе, Иван объединял оппозиционные элементы и, смешивая религиозные интересы с политическими, начал беспощадную борьбу против одной и другой стороны. Из этой борьбы он вышел победителем, но зато его имя и память до настоящего времени вызывают содрогание.

Религиозная реформа оказалась неудачной, и тем решительнее Грозный принялся за реформу политическую, вызвавшую террор.

Впрочем, Ивану прежде предстояло решить важные проблемы. Расширение территории крепнувшей державы призывало Ивана, как и его предшественников, уделить внимание границам государства. Законодатель должен был стать завоевателем.

Глава 3

Движение на Восток. Взятие Казани

Остатки монгольского царства. Войско Ивана. Взятие Казани. Последствия. Взятие Астрахани. Казаки. Крым и Ливония

I. Остатки монгольского царства

Во время вступления Ивана на престол татарское иго было только тяжелым воспоминанием. Монгольское царство распалось на части. На восточной и южной границе еще существовали остатки Золотой Орды. В Казани, Астрахани, крымских степях были еще почти независимые ханства или царства, простиравшиеся до границ Московского государства. Отливая к азиатским плоскогорьям, монгольское море оставляло за собой как бы озера, все еще волнующиеся и принимающие иногда угрожающий характер, но сила их все более и более ослабевает. Теперь ни одной пяди русской земли не оставалось во власти татар. Как сказано было раньше, наплыв их сюда не имел сокрушающей силы океана. Теперь начинается русская колонизация и завоевания. Русские с каждым годом, почти с каждым днем подвигаются все дальше и дальше в глубь громадного пространства, занятого финно-татарами. Медленно, но верно московские государи расширяют свои владения, увеличивают сферу влияния. Прежде они были вассалами, теперь же стали сюзеренами ханов. Казанский хан Сафа-Гирей сделался их данником.

Однако в Крыму татары образовали новый центр своего господства. Здесь они создали более сильную политическую и военную организацию, основанную на старинных началах, и им удалось объединить под своей властью соседние ханства и порвать узы зависимости от Москвы. Сначала это было для Москвы только неприятностью, но скоро стало угрожающей опасностью. В 1539 году крымскому хану Саип-Гирею удалось утвердить свое влияние в Казани и даже оставить там свой гарнизон. При его дворе появился русский беглец Симон Бельский, искавший там убежища или же привлеченный самим ханом. После этого Саип-Гирей отправил московскому правительству послание, тон которого напоминал о прежнем татарском могуществе: «Я открыто иду против тебя... Возьму твою землю, а если ты окажешь сопротивление, в моем государстве не будешь». Москва обещала не трогать Казань. Но хан этим не удовлетворился, он требовал ежегодной дани, что было возвращением к прежнему позору. С 1539 до 1552 года шла непрерывная борьба с татарами. В Казани сторонники Сафа-Гирея, а потом его сына Утелиш-Гирея восстали против московской партии, заменившей знаменитого в то время военными подвигами князя Булата, ставленника Саип-Гирея, кандидатом Ивана Шах-Али, или Шиг-Алеем. Но вскоре Саип-Гирей с Бельским угрожал самой Москве. Турция дала ему военные подкрепления и снабдила ружьями и пушками. В Москве создалось такое положение, что в одно время даже обсуждался вопрос, должен ли молодой царь остаться в столице и принимать участие в ее защите. Только вмешательство митрополита Иосафа заставило восторжествовать более мужественных людей. В подобных обстоятельствах даже взрослые предки Ивана старались скрыться куда-нибудь в безопасное место. Но, по мнению Иосафа, Москва теперь была чем-то большим, чем простая столица: она стала метрополией, святым городом, где православная Русь хранила все, что было у нее лучшего, — свою веру, святыне мощи, свои надежды и гордость.

Иван остался в Москве, и это заставило Саип-Гирея отступить. Он вообразил, что за этим царем-дитятей сплотилась сильная армия, могущая уничтожить его татар, которые далеко не напоминали сподвижников Батыя. Это были больше грабители, чем воины, любители легкой наживы. Придя в возраст, Иван сделал еще лучше. Два раза, в 1548 и 1549 годах,

предпринимал он безуспешные походы на Казань. Выступал он поздно осенью. Его застигла зима. Войско вязло в снегу. Пушки тонули в Волге. Служилые люди в спорах из-за первенства забывали свои обязанности. Два раза со слезами бессильного гнева Иван приказывал своему войску отступать, а крымцы и казанцы становились более дерзкими и опустошали лучшие московские области.

Впрочем, при втором походе удалось достигнуть кое-каких результатов: был основан на вражеской земле городок Свияжск, недалеко от Казани, при слиянии Свияги с Волгой. Скоро этот городок сделался центром притяжения для соседних племен – черемисов, чувашей, мордвы, и татары увидели, что это московское приобретение имеет такой характер, что с ним приходится серьезно считаться. Между тем это ханство разлагалось. Триста крымцев покинули Казань, оставив там своих жен и детей, произведя предварительно грабеж в городе. Казанцы были недовольны Утелишем и выдали его Москве, но их мало удовлетворял и Шиг-Алей, поэтому они просили русского царя назначить им правителя по своему выбору. Иван думал, что таким образом совершилась бескровная победа. В феврале 1552 года князь Семен Иванович Микулинский, назначенный наместником, подходил в сопровождении Адашева к Казани. Но благодаря интригам Шиг-Алея, с притворной покорностью удалившегося в Свияжск, и подстрекательству агентов Саип-Гирея дело приняло неожиданный оборот. Ворота оказались запертыми. В городе вооружались. В Крым летели гонцы с просьбой о подкреплении. Предприятию грозил печальный конец.

Строительство Свияжска в 1551 году. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Микулинский удалился в Свияжск и заперся в нем со своими ничтожными силами. Ему уже казалось, что его окружают и он погибает. К тому же в его войске появился мор, а с ним и беспорядки. «Мужчины бреют бороды... и содеевают грех с молодыми юношами», – рассказывает летопись. В Москве были собраны бояре на совет, но они могли предложить только весьма сомнительные средства спасения: совершить торжественное перенесение мощей из Благовещенского в Успенский собор, послать в Свияжск воду, освященную над этими мощами, и поучение нового митрополита Макария. Но Иван со своими ближайшими советниками решил, что нужно делать что-то другое. Дело шло о престиже Москвы

и всей будущей политики ее. Нужно было или победить теперь, или отказаться навсегда от завоеваний. В случае неудачи Москвы, может быть, угрожало новое иго. Саип-Гирей сделался слишком смелым и не отступал. Опыт прошлого говорил, что нужно поспешить. 16 июня 1552 года, передав правление на время своего отсутствия царице Анастасии, освободив из тюрем многих заключенных и совершив еще другие дела благочестия, Иван выступил из Москвы со всеми военными силами, имевшимися в его распоряжении.

II. Войско Ивана

В этой стране, не знавшей феодализма, военная организация в своих существенных чертах была феодальной. Во Франции от подобной организации осталось так называемое народное ополчение – тысячи две-три человек, что в сравнении с постоянным регулярным войском составляет сущие пустяки. На Руси Иван впервые начал формировать новый тип войска, постоянного. Ядром его должны были послужить *стрельцы*, впервые упоминающиеся в походе на Казань в 1552 году. Стрельцы набирались из свободных людей и должны были служить всю жизнь. В большинстве случаев они были женаты и составляли сословие, в котором военное занятие сделалось наследственным. Вооруженные и экипированные по западноевропейскому образцу, стрельцы получали по рублю на постройку дома и столько же годового жалованья. Кроме того, им выдавались одежда, порох, немного муки и крупы. Когда этого оказалось недостаточно для содержания стрельцов, правительство решило наделить их землей, разрешить заниматься разными промыслами, до некоторой степени слить со служивыми людьми. Под конец царствования Ивана Грозного число их достигало 12 000 человек. В Москве находилось 7500 человек. Вместе с городовыми казаками они образовали первую царскую пехоту. Одновременно было организовано и постоянное артиллерийское войско, разделявшееся на *пушкарей* (канониров), крепостных артиллеристов – *защитников* и *гранатчиков*. Также был образован особый отряд *пищальников*.

Но все это еще не составляло армии. Главными военными силами по-прежнему были служилые люди и так называемая *рать*, другой эмбрион регулярного войска. В военное время правительство призывало под оружие служилых людей и отдавало приказ произвести набор. Каждый город или уезд должен был выставить определенное количество пеших и конных людей, вербовавшихся не из военного сословия. Это и была *рать*, или *посоха*. В походе, предпринятом Иваном против поляков для возвращения Полоцка, этих *посошников* было 80 000 человек. Это не было дисциплинированное войско, которое могло бы обеспечивать военные успехи, поэтому их использовали главным образом для производства земляных работ и приготовления припасов. Московское правительство с большой охотой освобождало за деньги этих ратных людей от службы. Платили по два рубля за человека. Это стало своего рода налогом.

Стрельцы. Иллюстрация из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времен»

Мобилизация производилась по предписанию *Разрядного приказа* областным воеводам. Обыкновенно указывалось место сбора войска, число людей и род вооружения. При Иване Грозном служилые люди, бояре, дети боярские и дворяне разделялись на пять полков: большой полк, передовой, правая рука, левая и сторожевой полк. Если в походе принимал участие и царь, то прибавлялся еще и шестой, «государев полк». Большой полк делился на три, остальные на две части, подразделявшиеся в свою очередь на сотни. Полком коман-

довал воевода, а частями его помощники в чине воевод, сотнями – дворяне первого ранга. В отсутствие царя все войско подчинялось дворцовому воеводе. Это был *magister militum* [магистр армии] римлян, или современный генералиссимус. Его окружал многочисленный штаб. Здесь были *сборщики*, собиравшие войско, *окладчики*, распределявшие его, *посыльные люди*, нечто вроде адъютантов, *становищики*, инженеры, иностранцы, специалисты по осадному делу, судьи, лекари, духовенство.

Какова же была численность этого войска? Для 1552 года мы не имеем указаний. В 1556 году передовой полк в полном своем составе включал всего лишь 1500 конных воинов. В 1578 году, во время похода на Литву, в войске, подкрепленном татарами, было 39 681 человек. Распределялись они таким образом:

Русских и черкесских князей – 212
 Бояр и боярских детей Московской области – 9200
 Служилых людей новгородских и юрьевских – 1109
 Татар и мордвы – 6461
 Дворцовых стрельцов – 2000
 Стрельцов и казаков из областей – 13 119
 Посошных людей из северных областей – 7580

Во всяком случае, часть наличных войск Ивану, вероятно, пришлось оставить для охраны границ, но с другой стороны, каждый боярин приводил с собой по меньшей мере двух, а нередко пятьдесят и более человек. Путешественник того времени Клемент Адамс говорит, что царь собрал до 90 000 войска, но в поход он взял только одну его треть, а остальные две трети оставил в укрепленных пунктах для их защиты. Числа эти вполне совпадают со списками 1578 года.

За исключением стрельцов, специальных отрядов, посошных людей, все войско состояло из конницы. Вооружение его было весьма разнообразно. Во времена Ивана наряду с кривой саблей, похожей на турецкую, лук был любимым оружием многих москвичей. Но некоторые уже заменили его пистолетом или длинным мушкетом. Топор, висевший на седельной луке, кинжал, а иногда и копье дополняли походное вооружение. Броня употреблялась весьма немногими. Только знатные вельможи иногда щеголяли в великолепных латах и кольчугах, а на голову надевали шлемы, или шишаки. Шпор не было. Их заменяла плеть. Всадник держал в левой руке поводья и лук, а в правой саблю и плеть. При стрельбе он выпускал из руки саблю и плеть, висевшие на ремешке. Как только неприятельское войско приближалось на выстрел, русские осыпали его тучей стрел и тотчас же отступали назад, не дожидаясь встречи, независимо от того, держится ли противник или подался. Поэтому русская конница никогда не могла устоять перед польскими эскадронами, приученными ударять на врага со всей силой. Главным достоинством ее были выносливость и легкость передвижения. На маленьких, без подков и с плохой сбруей лошадях московские всадники совершали огромные переходы, подвергаясь большим лишениям и усталости. Клемент Адамс и Ченслер рассказывают, как они располагались на отдых в глубоком снегу, разводили огонь и приготавливали себе кушанье из горсти муки, растворенной в кипящей воде, спали под открытым небом, завернувшись в свою одежду и подложив под голову камень вместо подушки. Английский путешественник спрашивает себя, многие ли из воинов его страны, за исключением самых доблестных из них, могли бы вынести хоть один месяц войны с этими закаленными людьми, и приходит к заключению, что если бы русские знали свои силы, никто в мире не мог бы устоять перед ними.

Но одна выносливость еще не составляет всего, что нужно для войска. Плохо обученные и недисциплинированные войска Ивана в сущности не знали даже элементарных начал своего дела. Напасть на врага и окружить его в два или три раза большими силами, оглушить

криками и шумом музыки – это было боевой тактикой русских. По-своему храбрые, они даже тогда, когда их силы были сломлены, редко просили пощады. Но опрокинуть их было легко. Они не имели понятия о правильных стратегических приемах и были беспомощны. К ведению осады, которая предстояла им под стенами Казани, они были приготовлены не лучше. В защите же укреплений они не имели соперников. Будучи заключены в стенах города, они не могли спастись бегством и обнаруживали редкую стойкость, безропотно переносили голод и холод, тысячами погибали в своих деревянных и земляных укреплениях, постоянно обновлявшихся их усилиями, и сдавались только доведенные до последней крайности. Вот почему в московских войсках были в употреблении переносные укрепления, состоявшие из досок с отверстиями для ружейных дул. Назывались они *гуляй-городами*. Этим объясняется и очень раннее развитие сильной артиллерии у русских.

Старинные русские расхожие пищали – затынная и завесная (казачья). Иллюстрация из научного труда Ф. Г. Солнцева «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению императора Николая I»

Первые пушки были привезены из заграницы. Но уже при Иване III иностранные мастера отливали их в Москве. В петербургском арсенале до сих пор сохранилось одно орудие этого производства, датированное 1485 годом. При Иване IV при русском производстве орудий применяли западноевропейскую технику. Производились серпантины, называвшиеся здесь *змеями*, и разного калибра мортиры, среди которых встречались *гауфницы*, гаубицы позднейшего времени, и *волкометки*. По свидетельству Флетчера, ни один христианский государь той эпохи не имел такого множества орудий. Дженкинсон любовался в 1557 году упражнением русских канониров, соперничавших в быстроте метания ядер и верности прицела.

Летописи говорят, что Иван привез в 1552 году к стенам Казани 150 пушек. Без сомнения, число это преувеличено, как и численность войска, сопровождавшего эту артиллерию, которое будто бы равнялось 150 000 человек. Но бесспорно, на этот раз царь должен был выступить со значительными силами. Чтобы решиться на это, нужны были серьезные усилия воли. Независимо от характерного для Рюриковичей нерасположения к случайностям войны Ивана удерживали другие мотивы. Супруга его в скором времени должна была произвести на свет первого ребенка. Просьбы казанцев о помощи от крымцев оказались не напрасными, полчища нового хана Девлет-Гирея уже подступили к Туле. Молодой царь не изменил своего решения. Тула держалась стойко. 13 августа Иван был уже в Свияжске. Его присутствие здесь оказалось более полезным, чем кропление святой водой и поучение Макария. 23 августа он был под Казанью.

III. Взятие Казани

Город был защищен только деревянными и земляными укреплениями. Но гарнизон его, по словам летописцев, с первых дней приготовился к отчаянной защите. Осажденные правильно рассуждали, что им пощады не ждать. Они понимали, что в борьбе двух рас, двух государств, двух религий наступает решительный момент. До того времени Москва ограничивалась возвращением русских земель, если не считать кое-каких передовых укрепленных постов и Свияжска. С взятием Казани она брала в свои руки один из древнейших оплотов мусульманства. Царя Эдигер-Магомета поддержал Крым присланным полководцем и отрядом отборного войска. Татары вспомнили свои былые доблести и победоносно отбили первые приступы русских. Иван боялся, что дело может снова затянуться до зимы, что было так нежелательно.

В сентябре разразилась сильная буря. Много шатров в лагере Ивана было разбросано. На Волге были разбиты лодки с провизией для войска. Осажденные ликовали и с высоты своих укреплений, которых не могла разрушить артиллерия Ивана, издевались над *«белым царем»*. С бесстыдными телодвижениями, повернувшись спиной и подымая свое платье, как рассказывает летописец, они кричали: «Смотри, царь! Вот как ты возьмешь Казань!..» Кривляньями и неистовыми криками, точно производя заклинания, татары вызвали смущение в суеверных душах русских воинов.

Иван не падал духом. Колдовство татар вызвало сильные ливни, он велел привезти из Москвы чудотворный крест, с которым пришла и хорошая погода. Татары искусно подерживали свои сооружения. Иван прибег к знанию иностранных инженеров, которые при помощи разных сооружений увеличили разрушительное действие артиллерии и приблизили роковую развязку. В народной поэзии эта осада разукрашена вымыслом и превращена в

нечто подобное взятию Трои. Она продолжалась восемь и даже тридцать лет. В действительности же в конце сентября пушечный огонь сделал возможным произвести решительный приступ, который начался 2 октября 1552 года. Он давал осаждающим заранее обеспеченную победу, но на этот раз Иван не проявил своей настойчивости и энергии. Войска привыкли видеть царя перед собой и повиноваться его командам. Они его боялись и слушались. Теперь же его напрасно искали во главе рати. Вождь исчез, остался только *Рюрикovich*, избегающий опасности кровавой сечи; он медлил и припадал к алтарю с горячими молитвами. На заре князь Михаил Воротынский готовился взорвать последние укрепления. В это время в церкви, устроенной среди русского стана, шло торжественное богослужение. Предание говорит, что успехи работ в подкопах увеличивались во время совершения самых торжественных мест православной литургии. Когда диакон провозгласил: «Воеже покорити под нози его всякого врага и супостата» – последовал первый взрыв. После произнесения им евангельского стиха: «И будет едино стадо и один пастырь» – последовал более сильный взрыв.

Диакон и саперы сделали свое дело, теперь нужно было ворваться в город через образовавшуюся брешь. Стрелы и пули, призывы христианского и магометанского Бога смешивались в воздухе. К Ивану прискакал запыхавшийся боярин: «Государь, время ехать. Твои люди вступают в сражение с татарами, и твой полк ожидает тебя...» Но Иван с важностью отвечал одним из тех текстов Священного Писания, запас которых люди его времени и умственного развития хранили в своей памяти. Он говорил о пользе продолжительных молитв и не двигался с места. Явился новый гонец. Наступающие войска ослабевают; татары берут верх; присутствие государя во главе войска необходимо... Иван глубоко вздохнул, из глаз его полились обильные слезы, и он громко попросил о небесной помощи.

Г. И. Угрюмов. Взятие Казани Иваном Грозным 2 октября 1552 года

В этом поведении молодого царя сказался характер его нации; многое, конечно, зависело и от его личных особенностей, от чрезвычайной нервности, которой он, как мы знаем, страдал. Нельзя сказать, чтобы это была трусость, так как скоро этот человек начнет подчинять своей несокрушимой воле огнем и мечом окружающих его, несмотря на их ненависть, и это будет делать двадцать лет подряд. Будущий глава опричнины не был трусом. Он был просто достойным потомком московских князей, собиравших Русь, но не на поле битвы, не подвигами храбрости, а путем темных интриг, торгашества и скопидомства, путем хитростей и стоических унижений. Ученики восточных государей усвоили азиатские наклонности к неге, презрение к телесным усилиям. Сражаться, наносить удары и рисковать в свою

очередь подвергнуться им – это не дело государя, для этого у него есть подчиненные. Он повелевает, посылает людей на смерть и – молится.

Бояре же, окружавшие Ивана, смотрели несколько иначе. Вполне возможно, что кто-нибудь из них пытался даже силой вовлечь государя в битву. Но ему еще нужно было приложиться к чудотворному образу Сергия, выпить святой воды, съесть просфоры, получить от своего духовника благословение, испросить у священнослужителей отпущения грехов, прежде чем «идти пострадать за истинную веру». Наконец царь сел на коня и поскакал к своему полку, чтобы присоединить и его к сражающимся. Битва уже подходила к концу, и нечего было бояться осажденных. Но и теперь, по свидетельству Курбского, которому сам Иван не нашел возможным возражать, насилу удалось заставить царя двинуться вперед: бояре должны были взять его лошадь под уздцы...

Уже московские знамена развевались над неприятельскими укреплениями, и первые колонны проникли в город. Началась резня. Шесть тысяч казанцев напрасно пытались спастись, пустившись вброд через реку Казанку. Иван и не думал останавливать избиение. В то время даже на Западе город, взятый приступом, обрекался на смерть. Одни только женщины и дети спаслись и были уведены в плен. После этого при пении «Тебе Бога хвалим» царь водрузил большой крест на том месте, где во время битвы развевалось знамя последнего казанского хана. Здесь должна была появиться церковь, и через два дня она уже была выстроена и освящена. В конце недели два правителя, князья Александр Борисович Горбать и Василий Семенович Серебряный, были оставлены в покоренном городе, а победитель поспешил в Москву к Анастасии.

По дороге в столицу во Владимире он получил радостную весть: царица разрешилась от бремени сыном, которого называли Димитрием. В одном из древнейших сел в окрестностях Москвы, Тайнинском, куда Иван должен был удалиться впоследствии, в дни испытаний, ожидавших его после этих успехов, брат его Юрий со знатнейшими боярами принесли ему первые поздравления. В Москве вышедший навстречу ему с духовенством митрополит сравнивал его с Димитрием Донским, Александром Невским и Константином Великим, а затем, поклонившись до земли, благодарил государя за торжество, доставленное им отечеству и Церкви.

И в самом деле победа была велика; по своим непосредственным или отдаленным последствиям более значительная, чем приобретение Трех Епископств, сделанное в том же году Генрихом II на противоположном конце Европы.

IV. Последствия

В 1555 году первый архиепископ казанский и свияжский Гурий отправился на место своего назначения в сопровождении целой свиты священнослужителей. Это напоминало то отправление духовенства из Византии, которое при Владимире принесло проповедь истинной веры в Корсунь. После освящения храма Заступницы Богоматери, выстроенного в Кремле в память новой победы, Гурий сел в лодку, где продолжались пение и молитвы. По пути от Москвы до Волги громадные толпы народа, охваченного энтузиазмом, приветствовали представителя истинной веры. Россия приступала к апостольской деятельности. На стенах Казани ислам потерпел поражение, нанесшее непоправимый ущерб нарождавшемуся могуществу крымских ханов. Теперь уже не было и речи о том, чтобы Иван «бил челом», как это делал он еще недавно в сношениях с опасными соседями, в то же время претендуя на равенство с германским императором и султаном!

В материальном отношении Казань представляла ценное приобретение. Она раньше не угрожала Москве, но находясь посередине Волги, преграждала путь на Восток и препятствовала естественному развитию. Некогда здесь произошло первое столкновение христи-

анства с исламом в сражениях магометан, болгар с первыми христианскими князьями новой Северо-Восточной Руси. Для Азии Казань продолжала быть центром торговли и промышленности, а для монгольского царства последним оплотом, удержанным им в Европе. Стесненное крымское ханство представляло лишь стан кочевников, бродивших в южных степях. Оставалась еще Астрахань, но после падения Казани эта преграда для московского движения обречена была на неизбежную гибель. Начавшаяся колонизация и завоевания с непреодолимой силой распространялись в богатом крае, орошенном западными притоками Волги и восточными – Дона.

Наконец, Казань была естественным центром для многочисленных диких народностей – черемисов, мордвы, чувашей, вотяков, башкир, занимавших оба берега Волги – нагорный и луговой. Привлеченный к Свияжску нагорный берег уже входил в состав Московского государства. Теперь наступала очередь и для низменного.

В своем нетерпении вернуться к радостям семейной жизни и насладиться славой, ожидавшей его в Москве, Иван слишком поторопился покинуть покоренную область. По словам Курбского, бояре настаивали, чтобы он остался до весны. Но возможно, что они сами посоветовали ему принять противоположное решение. Если они, его «служилые люди», в последний момент под Казанью увлекали царя в битву, таща коня за повод, то раньше, еще не дойдя до места боя, они постоянно высказывали желание покинуть царя, жалуясь на истощение сил и средств.

«Благословенно воинство Небесного Царя». Икона, написанная в 1550-х годах по заказу Ивана Грозного в память о его Казанском походе 1552 года

Между ними и царем завязалась подковерная борьба. Царь чувствовал, что теряет влияние на бояр; последние, в свою очередь, сознавали, что государь недолго будет послушен – он ненадежен, непостоянен и капризен. Произведенные или еще готовившиеся реформы вызвали среди высшей власти недовольство, которое обнаруживалось при всяком удобном случае, и среди этих воинов, которые пытались руководить Иваном, указывая ему на его место, царь чувствовал себя неуверенно.

В декабре победители почуяли угрозу лишиться плодов своего завоевания. В Казани и ее окрестностях появились симптомы беспокойства. Казаки и стрельцы оккупационного отряда потеряли при одном столкновении с племенами *горной стороны* тысячу человек. Эти возмущившиеся племена основали даже новый город на Меше, в семидесяти верстах от Казани. В 1554 году пришлось прибегнуть к настоящей, правильной войне против непокорных. Прошло еще пять лет, прежде чем стало возможным более или менее обеспеченное владение краем. За это время Москва уже сделала новый и великий шаг в другом месте.

V. Взятие Астрахани

Весной того же 1554 года тридцать тысяч московского войска под начальством князя Юрия Ивановича Пронского отправились на судах вниз по Волге. 29 августа, когда Иван праздновал в Коломне свои именины, гонец привез весть о взятии Астрахани. Но это еще не было окончательным завоеванием. Пронский ограничился тем, что возвел на престол по своему выбору Дербиш-Али, обязав его платить ежегодную дань и гарантировать русским свободное плавание по Волге от Казани до Астрахани. Московская политика начинала игру, которая ей удалась в Казани с Шиг-Алеем. Результаты ее оказались точно такими же. Между новыми покровителями, местными татарами, оказывавшими свое влияние, крымским ханом и турками, готовыми вмешаться в распри, положение Дербиш-Али было незавидным. Скоро он вошел в сношения с соседним племенем ногайских татар, в котором два брата, Измаил и Юсуф, враждовали из-за власти, и при поддержке одного из соперников хотел добиться независимости. Возникла необходимость в новой военной экспедиции. Дербиш соединился с Юсуфом, а когда тот был убит своим братом – с его детьми.

Москва заключила союз с Измаилом, расположив его в свою пользу скромными подарками. Он просил дать ему три охотничьих птицы – кречета, сокола и голубятника, а также большое количество свинца, шафрана, цветных материй и пятьсот тысяч гвоздей... Дербиш был изгнан. Его заменил Измаил, которому, в свою очередь, пришлось за непослушание уступить место своим племянникам. Москва еще долго ссорилась с этими непокорными вассалами. Но устья Волги все-таки были ею приобретены. В то же время соседние маленькие кавказские княжества, вмешивая ее в свои споры или ища у нее поддержки, незаметно, почти против ее желания, увлекали ее все дальше и дальше на Восток, в новые предприятия, расширявшие границы ее гегемонии.

Колонизация следовала шаг за шагом за успехами этой политики, а иногда даже опережала ее. От берегов Дона и Терека, где она уже стала на прочную почву, она распространялась до Крыма, до ворот Азова, постепенно расширяя владения так называемой *казатчины*, образовавшейся из вечно подвижных слоев неустоявшегося еще населения. Казаки представляли неоценимую силу для осуществления правительственной программы, ставившей своей задачей расширение государственной территории. Но сила эта была и опасной.

VI. Казаки

Власть метрополии над этим непостоянным и буйным элементом долгое время была чисто номинальной. Только в 1570 году один из наместников Грозного Новосильцев сумел придать казакам на берегах Дона более определенную организацию. Современное Донское войско праздновало свой трехсотлетний юбилей в 1870 году. Однако в 1577 году Иван должен был отправить целую армию под начальством Мурашкина, чтобы прекратить разбой и насилия этих непокорных подданных. И тогда, полагают, будущий завоеватель Сибири Ермак и его товарищи, спасаясь от заслуженного наказания, отправились искать убежища у Строгановых, колонизаторов другого типа. Их беспредельные владения простирались вплоть до Азии.

Так было подготовлено новое и еще более знаменитое завоевание. Но, предоставляя пока идти своим чередом жизни и самовольным предприятиям казаков, Москва должна была начать борьбу с последним остатком татарского величия. Не имея возможности подчинить своей власти тысячи вооруженных «ермаков», обитавших в области, сопредельной с Крымом, Иван должен был начать борьбу, которая закончилась только при Екатерине Второй.

Икона Покрова Пресвятой Богородицы начала XVII века с изображением казаков

В 1555 году было отправлено туда в поход 13 000 человек под начальством Шереметева. Это была прелюдия экспедиций Голицына и Миниха. Как и всегда в подобных случаях, более подвижный и отважный – хан. Он отступил перед силой царя, но все-таки нанес серьезный ущерб его полководцу. В следующем году отряд казаков под предводительством дьяка Ржевского произвел рекогносцировку до самого Очакова, вызвав большое возбуждение и подъем воинственного духа в приднепровской Малороссии. После этого один из подданных польского короля, князь Дмитрий Вишневецкий, занял и укрепил один из островов на Днепре – Хортицу и бросил вызов соседнему ханству, заключив союз с царем. В 1557 году он был прогнан с Хортицы, но в следующем году отплатил за это под стенами Азова, когда начальник московского войска Дашил Адашев достиг устья Днепра, захватил два турецких корабля и, высадившись в Крыму, навел ужас на его обитателей.

Казалось, наступил момент покончить борьбу с Крымом, и окружавшие Ивана склоняли его решиться на это. Но молодой государь изменил свои стремления. Его предприимчивый дух переносился с Востока на Запад, куда его манили более соблазнительные перспективы. Его занимали дела Ливонии. Они долгие годы определяли его деятельность. Это было уже начало истории Петра Великого.

VII. Крым и Ливония

Вести два предприятия одновременно было невозможно. Как бы ни была справедлива та критика, которой Грозный подвергался тогда и впоследствии, он остановился на правильном решении. Идти на Крым было не то, что идти на Казань или Астрахань. С берегов Москвы до берегов Волги переправа войска и провианта совершалась по сети речных путей, пересекавших относительно заселенные места. Дорога в Крым уже от Тулы и Пронска шла через пустынные места, где нельзя было ни встретить пристанища, ни найти средств пропитания. Здесь до восемнадцатого столетия разбивались усилия лучших русских полководцев. Кроме того, нужно было считаться еще с тем, что из-за Крыма пришлось бы столкнуться с Турцией XVI века, с Турцией Сулеймана Великого!

С другой стороны, выбор Ивана не был вполне свободным. С 1554 года он вел войну со шведами из-за этой самой Ливонии. Из-за нее же шли постоянные войны с Польшей. Прерывались они только непрочными перемириями. Разрешение этих двух проблем подталкивалось необходимостью. Как ни был беспокоен Крым, но с ним можно было еще обождать. В Ливонии же ни поляки, ни шведы не ждали. Они не могли отложить до другого момента вмешательство в дела Ливонии, чтобы не дать Москве утвердиться на берегах Балтийского моря. Старая колония тевтонских рыцарей приходила в то состояние, какое пережила впоследствии Польша, она возбуждала алчность соседей: дом горел, он должен был достаться тому, кто первый придет тушить его. Отказаться от участия в этом Иван и не думал. Даже Казань была покорена им при содействии Запада, при помощи инженеров и мастеров, которые набирались в Германии, Венгрии и Италии. Но если Италия, а отчасти и Германия склонны были помочь, другие европейские государства, и особенно ближайшие, относились недоверчиво и враждебно: задерживали, препятствовали покупке более совершенных военных материалов и старались сохранить между собой и весьма предприимчивым соседом вековую стену обособленности. Ливония была тем окном, которое впоследствии прорубил сильными ударами своего топора Петр Великий. Случай представлялся сделать это теперь и без больших усилий. Отказываться было бы безумием.

Но разве Иван не мог воспользоваться для той же цели принадлежавшей уже ему частью Финского залива от устья Сестры до впадения в него Наровы? Возражение это делалось, но оно не убедительно. Иван не имел намерения основывать Петербург. Даже если бы он обладал гением Петра Великого, он, вероятно, не нашел бы возможным возложить на своих подданных гигантское и парадоксальное бремя подобного сооружения. Чтобы осуществить это дело спорной ценности, нужна была полуторавековая борьба, обеспечивавшая победу абсолютной власти и давшая Петру орудия, которыми не обладал Иван Четвертый. Сам Петр не удовольствовался этим портом в болотистой, негостеприимной местности. Чтобы найти лучшее место, Ивану, казалось, нужно было только протянуть руку.

И в самом деле, если его предприятие и не удалось, то только лишь потому, что он натолкнулся на непредвиденное препятствие. Это препятствие создала фантастическая карьера Батория, настоящего короля в государстве, где короли давно уже были только для смеха. Этот венгерский рыцарь укротил польского коня и стремительно бросился на нем, чтобы преградить дорогу московскому всаднику. Скачка продолжалась всего лишь десять лет, но этого достаточно было, чтобы изменить взаимное положение и шансы на успех,

чтобы заменить Польшу Ягеллонов, которую Москва знала, другой Польшей, сил которой она не подозревала и не могла угадать. Триумф, который, казалось, покоритель Казани и Астрахани уже одерживает, обратился в его поражение.

Он начинал это предприятие с блеском славы и популярности, который превзошел затем только один из его преемников. Но победы и реформы Петра Великого, как менее понятные, должны были получить и меньшую оценку. Победитель ислама, законодатель, усердно пекущийся об интересах низших слоев населения, грозный судья только для «великих», Иван вызывал удивление даже у иностранцев. По мнению Дженкинсона, высказанному в 1557 году, ни один из христианских государей не был так страшен для подданных, как Иван, и в то же время так ими любим.

Говоря с похвалой о правосудии, совершаемом этим несравненным государем при помощи простых и мудрых законов, о его приветливости, гуманности, разнообразии его познаний, о блеске двора, о могуществе армии, венецианский посол Фоскарини отводит одно из первых мест среди властителей того времени будущему противнику Батория. С чувством удовольствия перечисляет он его *военных людей*, обмундированных по-французски, пушкарей, обученных своему делу по-итальянски, пищальников и утверждает, что ни одно европейское государство не обладает такой страшной военной силой. Ослепленный призраком победы, он уже видит две армии в сто тысяч каждая, готовых двинуться по знаку великого царя. «Все это почти невероятно, – прибавляет он, – но это совершенно верно».

Действительность, которую я пытался выше прояснить, не обеспечивала в данный момент Ивану перевеса над соседями – поляками и шведами. Он имел многочисленную армию, полную казну, преимущество сильно укрепленной власти и уверенность в себе, что обеспечивает успех. Но его могущество, слава, популярность – всё это рухнуло в бездну, опасность которой не предвидели и не могли измерить ее глубину.

Глава 4

Завоевание Ливонии

Исторические прецеденты. Ливония XVI века. Московское завоевание. Вмешательство Европы

I. Исторические прецеденты

Из-за обладания Балтийским морем в XVI веке шел спор между наследниками. Наследство это осталось от Ганзы, великой политической и торговой конфедерации, разоренной открытием Нового Света и безоружной перед алчностью соседей. Столкновение имело грозный характер благодаря тому, что притязание предъявили такие державы, как Швеция, Дания, Россия и Польша. На карту ставились торговые, промышленные, культурные и религиозные интересы. До 1540 года Москва играла подчиненную роль, выступая только помощницей двух скандинавских держав. Но в это время общий враг – ганзейцы – был почти побежден, и недавние союзники начали неизбежную борьбу, деля добычу.

Исторические основания московских домогательств были самыми древними. В летописи Нестора можно найти указание на то, что Ливония и Эстляндия составляли часть Древней Руси. Перечисляя народы, подчиненные власти варяжских князей, летописец говорит о *ливах* и *чуди*, обитавших на побережье Балтийского моря. Указания эти, впрочем, весьма проблематичны. Первая достоверная попытка русских утвердиться в Ливонии относится к 1030 году, когда Ярослав Мудрый основал в стране Чуди Юрьев. Но скоро здесь пришлось столкнуться с соседями – семигалами, и владение стало непрочным, а в следующем столетии с появлением немцев возникло более опасное соперничество.

Альберт Буксгевден – первый рижский епископ. Для укрепления обороноспособности и для сопровождения пилигримов, возвращающихся домой, он основал в 1202 году орден «Братьев Христова рыцарства», обыкновенно называемых меченосцами

История немецкой колонизации в Ливонии связана с основанием Любека Генрихом Львом в 1158 году. Купцы нового города в поисках пути в скандинавские земли и на далекий Восток стали Колумбами этой второй Америки. Тогда и возникло соперничество между немцами, русскими и скандинавами из-за обладания устьем Двины, связанной уже с речной сетью Руси и даже с бассейном Днепра. Ключ находился в Ливонии, и отсюда нача-

лась немецкая колонизация при помощи тевтонских миссионеров. Во второй половине XII века августинский монах Мейнгард построил около города Юкскюль церковь, где появились резиденция епископства и новый военный центр. Преемник Мейнгарда, епископ Бертольд, цистерцианец, был прелатом в духе Барбароссы: опоясанный мечом, он больше служил ему, чем кресту. В 1198 году, получив папскую буллу на крестовый поход, он появился в устье Двины во главе флота и армии. После целого ряда успехов и неудач окончательную победу одержал только третий епископ, Альберт, происходивший из одной знатной бременской фамилии. Он основал Ригу и орден меченосцев. Организованные по образцу тамплиеров, меченосцы были в меньшей непосредственной зависимости от папы. Со своим гроссмейстером, жившим в Риге, капитулом, состоявшим из пяти главных начальников, и со всеми своими рыцарями, одинаково подчиненными власти епископа, новое братство образовало весьма централизованную организацию. Однако светский и монашеский элементы недолго жили в согласии; в завязавшейся скоро борьбе орден развил материальную и политическую стороны своей организации в ущерб своему духовному назначению. Это принесло ему гибель при встрече с другими соперниками.

Рядом с этими рыцарями в белых плащах с красным крестом в соседней Пруссии появились черные кресты рыцарей Германа Зальца. Это была ветвь ордена госпиталей Святой Марии в Иерусалиме, преобразованная в 1191 году папой в орден госпитальеров и обращенная в 1198 году германскими князьями в духовно-рыцарский орден. В 1225 году герцог мазовецкий и куявецкий Конрад призвал этот орден себе на помощь, чтобы обратить в христианство язычников пруссов, и наделил его славянской землей. В следующем столетии святая Бригитта открыла злодеяния этих лжеапостолов, «сражающихся только для того, чтобы питать свою гордость и дать простор своим страстям». Гордость и алчность делали тесной для них их область, и соседняя Ливония казалась им желанной добычей. В 1236 году неожиданный случай создал для осуществления их намерений благоприятные условия. Меченосцы были почти совершенно уничтожены в битве с ливонцами. Желанное для обоих орденов слияние было решено в Риме, и красные кресты исчезли.

Но и при этой новой комбинации все-таки пришлось поделить с соседями. В 1238 году Дания получила Ревель, Гаррьен и Вирланд. В 1242 году после кровопролитного столкновения на Чудском озере с войсками Александра Невского черные кресты, распространившиеся уже вдоль Финского побережья, должны были отступить и оставить свои недавние приобретения. В конце XIII века орден должен был считаться с другим враждебным элементом: развившаяся к этому времени буржуазия выступила против рыцарей в защиту епископов. Но она была побеждена, и в XIV веке рыцари торжествовали еще более славную победу: под их исключительной властью объединились Ливония, Курляндия и Эстония. Дания сохранила права на свои старые приобретения только номинально и заставила признать их позже.

Однако торжество продолжалось недолго. В следующем веке на сцену выступила Польша. 1 сентября 1435 года войска ордена и русско-литовские отряды Свидригайла нанесли друг другу полное поражение. Эта братоубийственная борьба была искусно вызвана Польшей. В то же время прусские черные кресты подверглись большой опасности. 15 июля 1410 года в достопамятной битве была утолена двухсотлетняя вражда, чтобы, возродившись потом, вечно существовать в другой форме. На этот раз более правильно разделенный германский мир и славянский выставили один перед другим лучших своих воинов. Это был великий день Грюнвальдского боя, когда цвет тевтонского рыцарства пал под напором польско-литовской армии Ягелло и Витольда. Могущество ордена рассыпалось в прах на кровавом поле этой эпической битвы.

Рыцари красного и черного креста – меченосцы и госпитальеры

Польша подвергала большому риску свою судьбу. Орден был готов заключить союз против нее даже со славянами, хотя от нее получил все, чем обладал. Он обращался с ней как с наследственным врагом и не останавливался ни перед какими средствами, чтобы погубить ее. Еще в предыдущем веке он уже работал над тем, чтобы склонить Швецию, Венгрию и Австрию принять план раздела Польши – первый план этого рода. Орден всеми силами старался воспрепятствовать слиянию Польши с Литвой и усвоил политику, которой потом держалась светская Пруссия. Он находил средство отплатить своему благодетелю союзом с Москвой.

Грюнвальдская битва на некоторое время ликвидировала эти счета. Принужденные в следующем году в Торне принять условия мира, по которому сокращались их прусские владения, рыцари почувствовали, что им и в Ливонии угрожает то же самое польско-литовское соглашение, которое они пытались разрушить, а союз с Москвой был лишь мечтой отдаленного будущего. А теперь нужно было оказать сопротивление усилению московского влияния в Ливонии. В 1483 году было заключено перемирие между воюющими, но прежде чем истек срок его, русские начали строить у устья Наровы, на восточном берегу, Ивангород, свою Нарву, угрожающую тевтонской, расположенной на другой стороне.

Ян Матейко. Грюнвальдская битва. 1878 г. Войска Королевства Польши и Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского разгромили немецкий Тевтонский орден

В то же время орден переживал состояние разложения в своей внутренней организации, чему оказала большое содействие реформация, особенно после перехода на ее сторону Альберта Бранденбургского, бывшего гроссмейстером с 1510 года. В 1525 году, когда после одной неудачной войны Альберт признал над своим секуляризованным государством сюзеренитет Польши, Ливония на Вольмарском ландтаге обнаружила подобное же намерение. Но у главы ливонских рыцарей Вальтера Плеттенберга не хватило на это решимости. В то же время протестантство распространялось из городов с неудержимой силой, потрясая устои братства, проникая даже до епископских дворов и оставляя в стране только внешность католических установлений. Страна впала в анархию. Катастрофа была неизбежна. В 1554 году преемник Плеттенберга Фюрстенберг заключил союз с Москвой. Но в 1557 году, несмотря на обнаруживаемое им презрение к Польше, он должен был явиться в Позвол к королю Сигизмунду Августу и заключить с ним оборонительный и наступательный союз против Москвы. Тогда стало ясно, что Ливония делается ареной, на которой соседи будут оспаривать друг у друга свои интересы. Ей уже больше нечего было спасать, даже чести.

Ивангородская крепость была построена в 1492 году для защиты Новгородской земли со стороны ее западных соседей. Ивангород стал форпостом на западе русской земли, на границе с Ливонией, где на левом берегу реки с XIII века стояла датская крепость (Нарвская крепость)

II. Ливония XVI века

В немецкой литературе и в народной поэзии того времени подготавливавшееся московское нашествие изображалось как божие наказание. Страна в то время представляла действительно печальную картину. Орден приходил в полное разорение. Воинственный дух древних рыцарей исчез; его не заменили гражданские доблести. Обязательное безбрачие выродилось в разнузданный разврат. Женщины дурного поведения массами селились у замков; постоянные оргии и выставлявшаяся рыцарями напоказ роскошь повергали народ в ужасную нищету. В своей «Космографии», опубликованной в 1550 году, Себастьян Мюнстер из этих пиров и вызываемой ими нищеты создал мрачную, отталкивающую картину. Тильман Бракель Анверский, проповедник того времени, изобразил нравы высшего духовенства, окруженного наложницами и незаконными детьми.

Распушенность тогда была общим явлением во всей Европе. Но одной этой черты недостаточно для объяснения разложения всех местных установлений. Ему способствовали и другие причины. С XII века Ливония представляла парадоксальное зрелище немецкой колонии, имеющей цель, по примеру греческих колоний на берегах Малой Азии и Сицилии, образование независимого государства без национальной основы. Местное население финского и литовского племени, подчиняясь иноземным господам, наложившим на него тяжелое ярмо, не имело с ними ничего общего – ни языка, ни нравов, ни религии. Обращенное насильно в католичество и принуждаемое затем к переходу в протестантство, оно оставалось индифферентным или враждебным. Здесь отсутствовали устои, опирающиеся на народные массы, и не было связи с метрополией – источником направляющей власти. Император сохранял только номинальную власть над орденом, как и папа над церковью. Централизация и един-

ство отсутствовали. Шла постоянная борьба между светской и духовной властью за владения, границы которых были не определены и постоянно изменялись. Города обнаруживали общее стремление сбросить с себя власть этих соперничавших между собою сил. Везде антагонизм.

Против угрозы нашествия четырех государств – Польши, России, Швеции, Дании – у Ливонии не было никаких собственных средств. Как военная организация орден потерял всякое значение, а чтобы набрать армию со стороны, недоставало денег, да их и не могло быть там, где не было желания их платить. Не на что было надеяться и извне. Рассчитывали в момент опасности объявить себя частью Германии, но уже в течение двух веков Ливония из-за высокомерного партикуляризма требовала от Германии признания своих прав и вольностей.

Польша предлагала и даже навязывала свою поддержку. Но происходившие в ней неурядицы и заботы об объединении с Литвой скорее вызывали страх как перед враждебной силой, чем надежду на безопасность как союзницы. В 1554 году Густав I шведский хотел воспользоваться затруднительным положением Ивана во время восточных военных предприятий. Но союз, к которому он склонял Ливонию, Польшу и Литву, не осуществился, он остался один в борьбе с Москвой и должен был в 1557 году согласиться на сорокалетнее перемирие. Таким образом несчастная Ливония осталась одна лицом к лицу с этим четвертым хищником, у которого не было недостатка ни в побуждениях, ни в предложениях к нападению.

Мотивы? В молчаливом согласии некоторых западноевропейских государств держать на запоре двери, ведущие к могущественному северо-восточному соседу, прибалтийские провинции добровольно брали на себя роль сторожей. Знаменитое дело Ганса Шмитта свидетельствовало об их усердии в это время. В 1548 году Шмитт получил разрешение Карла V вербовать в Германии ремесленников и ученых на службу царю, но в Ливонии он был задержан вместе с набранными людьми и посажен в тюрьму, где его продержали до тех пор, пока все его спутники не разбежались.

Другая причина: раз Новгород был включен в состав Московского государства, завоевание Ливонии сделалось необходимостью. Новые хозяева начали с того, что разрушили в Новгороде *немецкий двор*, но отнятая таким способом у ганзейцев торговля сейчас же перешла в ливонские города – Ригу, Нарву и другие центры. И теперь Москва подвергалась их эксплуатации. В этих враждебных городах иностранцам запрещалось учиться русскому языку, производить непосредственно торговые сделки с русскими и открывать русским кредит под страхом *денежного штрафа*.

Предлогом к войне послужило следующее: между ливонским городом Нейгаузенем и Псковом издавна существовала спорная область, над которой Москва добилаь некоторого рода верховенства. Ливонские землевладельцы этой области должны были ежегодно московскому правительству подать в размере десяти фунтов меда с каждого. Когда пчелы начали исчезать вследствие истребления лесов, подать эта была заменена незначительной суммой денег, а потом и совсем забыта. В 1503 году Москва вспомнила об этом старинном доходе, соединяя восстановление этой подати с притязаниями на Дерпт, прежний русский Юрьев. В 1554 году, вскоре после покорения Астрахани, Иван ко всему этому прибавил еще недавние обиды: нарушение границ и конфискацию церквей протестантскими фанатиками. В 1556 году, упрочив свое новое владение на востоке, он заговорил более решительно. Один из его предшественников уже отправил однажды ливонцам кнут в виде предостережения. Казалось, царский посол теперь вдохновился этим прецедентом. Подать в десять фунтов меду или взамен его деньги превратилась в его устах в оброк, равный марке с каждой души населения. Недоимка же за прежнее время достигла крупных размеров.

Карта Ливонии из атласа Абрахама Ортелиуса – фламандского картографа, автора первого в истории географического атласа современного типа. XVI в.

Епископ дерптский думал выпутаться из затруднительного положения путем дипломатической ловкости. Он обещал заплатить за всё, если одобрит германский император, которому ливонцы писали, не трудно догадаться в каком духе. Посол Терпигорев сделал вид, что совершенно не понимает этой хитрости. «Какое отношение имеет император к этому делу? Будете платить деньги или нет?» Вместо денег ему вручили письмо для Ивана. «Ого! – воскликнул он, старательно пряча документ в шелковую сумку. – Этот теленок обещает стать большим и жирным». И, приказав угостить изумленных представителей города, он начал веселиться, вскакивая на столы.

Испуганные представители города заявили, что нельзя в короткое время собрать требуемую крупную сумму.

– Ладно! Ведь в кладовых ратуши есть двенадцать бочек серебра.

– Возможно, но ключи от них находятся не в наших руках. Одним владеет Рига, другим Ревель.

– Хорошо, хорошо! Если вы не хотите дать денег, царь сам придет за ними.

И царь готовился идти. Разве Макарий не сравнил его с Александром Невским после взятия Казани? Эта лесть задела самую чувствительную струнку в душе Ивана, и он захотел оправдать данное сравнение. Он пошел по тому пути, который был оставлен русскими в XIII веке из-за необходимости защищаться на востоке от татар. Но времена переменились. Вместе с Польшей, Швецией и Данией в эту борьбу должна была теперь вмешаться вся Европа.

Даже Испания, мечтавшая о всемирной монархии, стремясь завладеть и далеким Севером и Зундом, оспаривая у Дании союз с Марией Стюарт, претендовала на вмешательство.

III. Московское завоевание

В феврале 1567 года в Москве появилась ливонская депутация, снова просящая об отсрочке. Иван отказал им в приеме, поручил Адашеву отправить их обратно и начал готовить карательную экспедицию. Это было просто и ужасно. В конце года армия, состоявшая в значительной части из татар, под командой бывшего казанского хана Шах-Али напала на Ливонию и произвела там страшные опустошения. Тут было все: и женщины, изнасилованные до смерти, и дети, вырванные из чрева матерей, и сожженные жилища, и уничтоженные урожаи. Быть может, в местных летописях есть некоторое преувеличение. Но войны того времени везде были отвратительным варварством, и черемисы Шах-Али ни в чем не уступали более дисциплинированным разбойникам герцога Альбы. По словам одного летописца, они выбирали наиболее красивых пленниц и, насытив с ними свои похотливые желания, привязывали их к дереву и упражнялись в стрельбе по этим живым мишеням. Все это возможно, хотя присутствие в армии двух русских начальников – Михаила Васильевича Глинского и Даниила Романовича, брата царицы Анастасии, Захарьина должно было несколько сдерживать этих дикарей. Впрочем, здесь дело шло не столько о завоевании, сколько о *tapu militari*. Как уже заявлял Терпигорев, русские пришли за деньгами, и террористические приемы оправдывались до некоторой степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.